

Путешествия П.А. Кропоткина в 1864 году (На материале публикаций в «Современной летописи», дневниковых записей, писем брату Александру)

1. Из Иркутска. Публикация от 19.02.1865 г. «Современная летопись», 1864, № 14, стр. 11-13.
2. Из Иркутска. Публикация от 31.03.1865 г. «Современная летопись», 1864, № 19, стр. 9-12.
3. Из Иркутска. Публикация от 31.03.1865 г. «Современная летопись», 1864, № 20, стр. 7-9.
4. Из Восточной Сибири. (Байкал, Бурятский дацан). Без даты. «Современная летопись», 1864, № 24, стр. 9-11.
5. Из Восточной Сибири. (Станица Чинданта́нская). 14.05.1864, «Современная летопись», 1864, № 30, стр. 12-13.
6. Из Восточной Сибири. (Казак на Амуре). Без даты. «Современная летопись», 1864, № 33, стр. 5-7.
7. Из Восточной Сибири. Хабаровка. 08.07.1864. «Современная летопись», 1864, № 34, стр. 6-8.
8. Из Восточной Сибири. Село Хабаровка. 17.07.1864, «Современная летопись», 1864, № 36, стр. 3-5.
9. Станица Михайло-Семеновская. 20.07.1864. «Современная летопись», 1864, № 42, стр. 14-15.
10. Маршруты П.А. Кропоткина в 1864 году на сибирской карте.

Требования к докладам:

1. Хорошее знание первоисточника (публикации П.А. Кропоткина).
2. Использование в докладе научных публикаций по теме исследования.
3. Наличие иллюстративного материала.
4. Умение проводить параллели между заметками Кропоткина и современным состоянием описываемого предмета.
5. Умение самостоятельно выражать свои мысли, отвечать на вопросы по теме выступления.
6. Грамотная речь, логическое и последовательное изложение материала.

Список литературы:

1. Кропоткин П.А. Записки революционера. Любое издание.
2. Кропоткин П.А. Сибирские тетради (1862-1866). М.; 2016.
3. Маркин В.А. Кропоткин. М.; Молодая гвардия, 2009. (Серия биографий. ЖЗЛ).
4. Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М.; ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
5. Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин. М.; Наука, 1972.
6. Публикации на страницах «Современной летописи» для каждой темы:

Тема № 1.

Из Иркутска. 19.02.1864. «Современная летопись», 1864, № 14, стр. 11-13.

После страшной засухи, которая, начавшись с лета 1862 г., продолжалась до середины июня 1863 г., полили в Забайкалье и на Амуре страшные дожди; в конце июля и начале августа задули на Амуре сильные низовые ветры, и дожди пошли проливные, не переставая около трех недель. Наконец, 4-го и 5-го августа пронесся по Амуру страшнейший ураган, который разбил в разных местах 48 барж с мукой, крупой, мясом, солью и разными припасами для Николаевска и для крестьян, поселенных между Хабаровкой и Николаевском. Потеря, за вычетом всего спасенного, оказалась огромная: около 100 000 пудов муки, 12 000 п. крупы и 23 000 п. разного груза -- мяса, гороха, масла, холста, сукна и т.п. На разбитых рейсах [1] удалось спасти очень немного, так, например, из 54 000 п. груза спасено было не более 10 000 п., и только на одном рейсе, хотя баржи и залило водой, но их удалось вытащить, отлить воду и спасти груз, состоящий из муки; мука же, как известно, от воды покрывается только сверху корою не толще вершка, а далее не пропускает воды.

Ряд неудач, претерпеваемых сплавом (который только в 1862 г. дошел благополучно), невольно заставляет задуматься о средствах избежать этих неудач. Задача эта не так легка, как кажется с первого раза. Во время моего приезда в Россию зимою нынешнего года мне не раз случалось слышать самые поверхностные разрешения этого вопроса от лиц, интересующихся амурскими делами, но совершенно незнакомых с Амуром, воображающих его речкой вроде Невы и готовых встретить рассказ о гибели 48 барж с недоверием, на том основании, что не может же разбиться столько барж на реке.

Поэтому постараюсь вкратце указать трудности этого вопроса.

Сперва продовольствие справлялось на Амур на баржах четырехугольных, чрезвычайно неуклюжих и глубоко сидевших (говорят, около двух аршин). При этом имелось в виду, что на месте эти баржи пойдут на постройку домов. В первые годы приобретения Амура, по стечению счастливых случайностей, воды было много, и эти грузные постройки счастливо проходили Ингоду; но понятно, как трудно было таким баржам отбиваться от утесов и протоков, куда их заносило течением, как трудно было им сниматься с мелей и как трудно причаливать к берегу. Причаливание к берегу производится очень оригинальным образом: выбирается мягкий, приглубый берег, и баржа прибывается к нему, очень медленно изменяя направление движения с помощью носового и кормового весел, когда она идет уже возле самого берега, тогда или соскакивает кто-нибудь на берег, или съезжают на лодке с причальным канатом, завертывают его за дерево, куст, камень, и канат "травят", т.е. отпускают постепенно. Понятно, что на быстрой Ингоде чрезвычайно трудно остановить быстро несущуюся баржу; оттого иногда канат ломается и баржу уносит вниз уже без лодки и нескольких людей, сошедших на время причаливания. Тогда она причаливает там, где Бог поможет; иногда бывают и раненые от лопающихся канатов. Понятно, как при таком способе причаливания трудно было управиться с четырехугольной баржей, которую при приближении одним углом к берегу постоянно вертело течением. Впоследствии сделали шаг вперед, баржи стали делать пятиугольными, -- вроде утюгов, но все-таки чрезвычайно тяжелыми и

неуклюжими. Наконец, теперь баржи строятся с закругленным носом и кормой, плоскодонные, разумеется, с крышей, и довольно свободно могут управляться семью или восемью рабочими, нагруженные 400-500 пуд. груза, с 7-ю человеками и провиантом для них на два или три месяца, они сидят около 14-16 вершков.

Эти баржи несравненно лучше прежних, но все-таки не пригодны для плавания по Амуру. При постройке их приходится иметь в виду несколько совершенно несовместимых условий, зависящих от того, что имеются в виду две совершенно несходные реки: Ингода, узкая, горная река, быстрая, но мелкая, для которой самая большая осадка может быть в аршин [2], и Амур, ниже впадения Сунгари, -- огромная, широчайшая река, с морским характером, -- бурями, крутыми валами, которые разбивают ныне строящиеся баржи в щепки.

Но кроме того, приходится принимать в соображение еще и то, что баржи строятся для того, чтобы сделать один только рейс до Благовещенска или Николаевска, где продаются за 25 рублей.

Вот каким трем несовместимым условиям должны удовлетворять они: мелкая осадка, прочность и дешевизна.

Так как при постройке барж приходится стремиться к тому, чтобы удовлетворить всем трем условиям, то баржи выходят и грузно сидящими, -- настолько, что в нынешнем году они стояли с месяц в 12 верстах от Читы, не имея возможности тронуться -- и дорогие, и не прочные, что доказал опять опыт нынешнего года.

В Забайкалье и на Амуре приходится слышать много толков о сплаве, при этом существуют три различные мнения: одни утверждают, что сплав может и должен производиться по-прежнему, что если сплавы разбивались прежде, то это происходило от неопытности; если же сплав разбит в прошлом, 1863-м году, то это от случая, от необыкновенной бури. Действительно, такие бури бывают редко, но дело в том, что баржи не выдержали бы и более слабой бури, наконец, кто же поручится, что такой бури не будет и в будущем году? Нельзя же подвергать край риску в одно прекрасное лето остаться без хлеба, да и, наконец, слишком накладно будет переносить часто подобные потери.

Гораздо основательнее, кажется с первого взгляда, мнение других, утверждающих, что гибель барж случилась от того, что они могли тронуться из Читы не в апреле или мае, когда река очистилась от льда, а только в середине июня, когда прибыла вода; оттого, несмотря на необыкновенно скорое и благополучное плавание, они попали на низовья Амура, -- около Хабаровки, -- в начале августа, т.е. в то время, когда преимущественно бывают на Амуре бури. Поэтому предлагают всегда иметь в Николаевске годовой запас всего необходимого, и если баржи по недостатку воды весною выйдут поздно из Читы, то не посылать их далее Благовещенска, где они должны перезимовать и идти в Николаевск лишь с раннею весною будущего года.

Действительно, тут есть доля правды. Бури преимущественно бывают осенью, но они бывали и в мае, и одной такой бури достаточно, если не для того, чтобы оставить Николаевск без провианта, то для того, чтобы подвергнуть его многим лишениям, так как трудно иметь годовой запас решительно всего необходимого. Кроме того, заготовление этого двойного запаса в один год и постройка магазинов для хлеба, зимующего в Благовещенске, потребовали бы больших единовременных затрат, а на такие деньги можно бы завести парходами и железными баржами.

Вообще, если баржи не в состоянии выдерживать амурских бурь, то как же посылать их с риском подвергаться этим бурям? Но дело в том, что это убеждение во многих не вкоренилось еще, и эти лица ждут объяснения гибели барж в других обстоятельствах, совершенно второстепенных. Так например, моряки задают вопрос, были ли у баржи якоря и, получив отрицательный ответ, говорят: "Еще бы, как же можно плавать без якорей? Якорь -- первое условие плавания". Мы не можем отрицать пользы якоря, -- во многих случаях сплавщик оценит всю его пользу, мало того, при ветре, довольно сильном (но не буря), якорь незаменим -- но во время бури он нисколько не поможет: в одном рейсе баркас (баржа в малом виде) стоял на якоре не у берега, а ближе к середине реки (на том основании, что волнение сильнее у берега от взаимного усиления волн, идущих к берегу и возвращающихся от него). Волны так стали разбивать баркас, что рейсовый начальник едва успел приказать притянуть его к берегу, чтобы, если он разобьется, то по крайней мере люди могли бы спастись. Моряку якорь необходим, чтоб удержать судно на известном месте, но моряк забывает, что он имеет дело с посудой, которая не боится собственно волн, которую волны не расшатывают, а баржа такая посуда, которая их боится. Баржи гибли не от того, чтоб их ударяло в берег и разбивало этими ударами, а просто не выдерживали волнения: баржа расшатывалась, доски в бортах "просто ходили", по выражению сплавщиков, вследствие этого конопать вышибалась, и в это отверстие, в палец шириною, вливалась вода; кроме того, доски в бортах расшатывались на стыках (там, где кончается одна доска по длине и начинается другая), течь становилась так сильна, что люди не успевали отливать воду, -- баржу заливало; или же сносило крышу и заливало баржу сверху, или же подламывало ее посередине там, где приподнимало валом, нос же и корма висели чуть не над бездной. Якоря, необходимые в других случаях, тут ровно бы ничему не помогли. -- Другие обвиняют рейсовых начальников за неумение выбрать место для остановки [3]. Но рейсовые начальники причаливались в тихую погоду у удобного, по-видимому, берега. Ночью поднимался такой ветер, не совсем низовой, что баржи прибывало к берегу, им не было возможности отойти, переменить место, так как они движутся только силою течения, которое на низовьях Амура довольно слабо и пасует перед сильным низовым ветром. Что же им оставалось делать? Ждать результатов бури. Во время же бури трудно было спасать гибнущие баржи: если б одна или две из них подвергались опасности, тогда можно бы было собрать народ со всех остальных и отливать воду. Но их стало заливать почти одновременно, -- отовсюду бежали к рейсовому начальнику старшие с криками: "В[аше] Б[лагородие], номер такой-то тонет, такой-то номер заливает, крышу сорвало" и пр., и пр. К тому же это было ночью при проливном дожде; чтобы попасть с берега на баржу, надо было спуститься в воду, рискуя в темноте быть залитым валом или получить удар от бросаемой баржи; на мокрой крыше ее нельзя было держаться, -- как тут спасать груз? Будь рейсовые начальники в десять раз опытнее, они все-таки ничего бы не придумали.

Одним словом, прежде всего необходимо прийти к убеждению, что сплавы разбиваются не от случая, не от неопытности рейсовых начальников, а от того, что ныне строящиеся баржи положительно не пригодны для плавания по Амуру, что они слишком слабы, что достаточно бури гораздо слабейшей, чем та, которая была в

нынешнем году, чтобы разбить и более барж. Тогда возникает вопрос, отчего же баржи слабы? Построены ли они небрежно, или нельзя их иначе строить?

Хотя мы выскажем желание, чтобы баржи (если уж оставаться при прежней системе сплава) строились прочнее, и убеждены в возможности этого, потому что лишних 10 пуд. железных скреплений не увеличит осадки баржи, и чтобы сплав лучше снаряжался лодками, топорами и многим другим, -- но с другой стороны, тут же оговоримся, что хотя бы баржи строились идеально хорошо при условиях, ныне принимаемых в соображение, при легкости, дешевизне и прочности они все-таки будут разбиваться в щепки от амурских бурь; амурская же буря, как, например, буря 4-го и 5-го августа прошлого года, бывает так сильна, что пароходы "Телеграф", "Лена", "Казакевич" и др., разбросанные на протяжении более 1000 верст, едва могли спастись, несколько раз переменяя место во время бури, первый же пароход должен был во все это время держаться под парами, так как якоря не могли удержать его.

Одни только железные баржи могут выдержать подобную бурю, -- железные, буксируемые пароходами, -- и производство сплава на таких баржах есть единственный исход.

Но... тут-то и встречается камень преткновения. Для того, чтобы иметь достаточное количество барж и пароходов, чтобы поднять весь сплав, необходима единовременная затрата капитала, которую местными средствами, конечно, невозможно сделать. Сделать же ее необходимо и немедленно, -- не рискуя еще раз потопить в Амуре груза на несколько сот тысяч рублей и в минуту необходимости оставить Николаевск без хлеба и припасов. Решиться на такую затрату надо тем более, что она не будет слишком велика, так как и теперь уже постепенно заводится несколько пароходов с железными баржами.

При этом нельзя умолчать о том, что сперва необходимо нам самим твердо проникнуться убеждением, что невозможно плавить хлеб в Николаевск на одних и тех же судах как по Ингоде, так и по Амуру. Это убеждение до сих пор не довольно твердо вскоренилось во всех, иначе бы, конечно, хотя часть груза сплавалась бы на пароходах, имеющих железные баржи. Таких пароходов летом 1863 г. имелось уже три [4], а между тем ни один из них не помогал сплаву (до тех пор, пока сплав не разбился), а стосильный пароход "Амур" должен был развозить ненужный дубовый и ореховый лес да почту, потому что думалось, что ничего, -- Бог поможет, сплав дойдет благополучно.

1. Сплав разделяется на рейсы, состоящие каждый из 15-17 барж. Рейс поручается офицеру, которому дается еще помощник.

2. Но и такие суда не всегда могут пройти.

3. За баржи, разбитые у берега, стоя на причале.

4. Скоро будет 5 пароходов с 7-ю или 8-ю баржами.

Тема № 2.

Из Иркутска. 31.03.1864. «Современная летопись», 1864. № 19. С. 9-12.

Во время моего возвратного пути с Амура в августе и сентябре прошлого года Амур представлял печальную картину: сплав был разбит, крестьяне, не имевшие своего хлеба, сильно приуныли, сено все снесло, и приходилось снова косить на новых местах, -- по хребтам в лесах, -- "а много ли его в лесу в день-то

насобираешь?" Амур разлился страшным образом, -- иногда мы видели перед собою целое озеро грязной воды в несколько верст шириной, озеро, из которого кое-где торчали деревья и кустарники затопленных островов. Вода же все прибывала: навстречу неслись нам бревна, деревья, вырванные из берегов, и обломки барж [1]. Картина была грустная. В Хабаровке мы узнали, что такое же наводнение, немногим уступающее наводнению 1861 года, было и на Уссури: восемь станиц, говорили нам, залиты водою.

Выше Хабаровки расположен амурский пеший батальон (казачий, разумеется). Наводнение и тут было громадное, -- многие станицы были совершенно затоплены; мало того, пашни казаков, которые после 1861 года распахали землю на новых местах, тоже были залиты водою Амура или побочных речек, деревни торчали оазисами посреди целых озер, даже в больших станицах, как Михайло-Семеновская, сообщение между домами производилось с помощью плотов и лодок. В Михайло-Семеновской теперь находится батальонный штаб, который прежде, кажется, предназначался в станицу Екатерино-Никольскую. Эта последняя, стоящая на высоком берегу, в хорошем месте, показалась неудобною. Из каких-то стратегических целей, будто бы для того, чтобы командовать устьем реки Сунгари [2], батальонный штаб и несколько чугунных орудий были расположены в станице Михайло-Семеновской, где выстроены канцелярия, школы и т.п. Все это было бы очень хорошо, но теперь оказалось, что и станицу, и штаб, и орудия, стоящие на берегу, все топит во время наводнений, и потому теперь, вероятно, придется переносить батальонный штаб в станицу Екатерино-Никольскую.

Учитывая этот факт, мы при этом очень хорошо сознаем невозможность обойтись без ошибок при заселении такого громадного пути, как Амур; но вместе с тем приводим его как подтверждение необходимости более дорожить трудом казаков; при большей обдуманности и осторожности можно было бы избежать подобных промахов. То самое, что эти места мало заселены туземцами, должно было навести на сомнения, сомнения -- на расспросы, а расспросы, вероятно, обнаружили бы, что Амур часто топит эти места.

В Михайло-Семеновской станице мы узнали еще одну печальную новость, -- о гибели барж с частью механического заведения. Как вам уже известно, в Сретенской устанавливается механическое заведение для починки пароходов и т.п. Часть его была отправлена из Благовещенска в Сретенск еще в начале прошлого лета (в июле) [3], другая же часть, состоящая из огромных ящиков по несколько сот пудов, была отправлена из Николаевска на деревянной барже, у которой крыша была снята для удобства нагрузки, на буксире у парохода Уссури. У Михайло-Семеновской руль на барже сломался, и для починки его требовалось остановки, вероятно, не более суток. Но капитан парохода, не знаю уже почему, торопился в Благовещенск и заблагорассудил, оставив баржу у берега, на котором расположена станица, уйти с пароходом в Благовещенск. В это время задул ветер, разразился 4 и 5-го августа бурей, и баржу стало заливать в виду всей станицы, а так как на барже был только один сторож, то дело кончилось тем, что баржу в продолжение ночи залило волнами, и она села на дно. Говорят, что и утром еще можно было бы спасти ее, так как собственно баржа не потерпела значительных повреждений. Не знаю, насколько это верно: когда мы пришли, воды прибыло настолько, что над баржею свободно мог бы пройти пароход.

Выше Михайло-Семеновской, в амурском батальоне, мы встречали то же самое наводнение; даже частные лица, которые могли сами выбрать себе хорошие высокие места, и те не избежали от опустошений, то есть г. Амурский хлебопашец [4], который с поразительным усердием несколько лет занимался хлебопашеством на Амуре, с необыкновенною твердостью переносил всевозможные лишения и невзгоды, -- и тот в несколько дней увидел все свои надежды разрушенными: поля (находившиеся верстах в двадцати от Амура) залило водою, и все погибло.

Вообще вся местность, занятая амурским пешим батальоном, чрезвычайно неудобна: во время большой воды ее всю топит, и в нынешнем году амурский батальон лишился своего хлеба, так что на прокормление его потребовалось около 40 000 пуд. муки. Что можно было послать из Благовещенска, было послано, именно 25 000 пуд., и то в надежде, что можно будет купить несколько хлеба (тысяч десять пуд.) у крестьян, поселившихся по реке Зее.

И снова является вопрос: для чего же нужно непременно занимать эти места большими станицами? Неужели и тут нельзя было устроить только почтовые станции, а людей селить в тех местах, где можно жить своим хлебом, то есть в окрестностях Благовещенска, где сгруппировалось и маньчжурское население? Эти места при хорошей обработке были бы запасным хлебным магазином для Амура за Хабаровкой, теперь же, когда разбился сплав, да к тому же случилось наводнение, надо было думать о подмоге из Забайкалья. Но и оттуда трудно было ждать подмоги; там тоже разыгрались реки, в особенности Шилка и ее притоки, и наводнение тоже было страшное; наконец, наступила осень, поздно было уже выслать хлеб, так как вскоре должна была пойти по рекам шуга (лед) [5].

В самых последних числах августа мы пришли в Благовещенск. Там благоденствовали сравнительно с тем, что мы видели на низовьях; хлеб не дорог, через реку находится большая маньчжурская деревня, а маньчжуры за недорогую цену снабжают скотом [6], бузою, овощами, разной живностью, а крестьяне с Зеи навозят ржаной муки (так как маньчжуры не сеют ржи [7]), зелени, арбузов. Арбузы привозились возами и продавались в розничную продажу от 6 до 10 к. за штуку.

Пробыв в Благовещенске и 1-го сентября, в ожидании отхода парохода, мы видели, как оживляется этот городок в первые дни каждого месяца, приезжают маньчжуры, отпирают свои лавки, которых можно насчитать на базаре, я думаю, с тридцать, и начинается деятельная торговля всякою всячиной: продают пшеничную муку, живность, мясо, рис, табак, ганзы (маленькие медные трубки, насаженные на тонкий черный чубук в пол-аршина и мундштуком из какого-то сероватого камня), чашки фарфоровые и деревянные, чрезвычайно употребительные между русским населением, конфеты, всегда несколько воняющие травяным маслом, которое маньчжуры употребляют в пищу и которым сами насквозь пропитаны, шелковые материи, халаты, фонари, зеркальца и прочие безделки, на которые бросаются русские на первых порах знакомства с китайщиной. Но лучше всего все-таки торгуют "ханшиной" (рисовою водкой), которую китайцы пьют чашечками с наперсток, а русские большими деревянными чашками; вследствие чего между русским человеком на первых порах сильно развивается пьянство. Все эти товары, впрочем, довольно низких достоинств. Рис очень не чисто выделан и имеет розовый цвет, из прочих же вещей сбывают здесь то, что нейдет с рук у себя дома. Но

маньчжуры народ чрезвычайно торговый, а потому, если покупатели будут повзыскательнее, то и они станут продавать товары лучших достоинств и обратят внимание на лучшую обработку риса и на то, чтобы изделия не воняли маслом. Почти каждый маньчжур, имеющий какую-нибудь собственность, непременно начинает торговать чем-нибудь, покупает всякие меха, -- соболя, лисицу; а если торговать уже нечем, то всегда готов доставить вам то, что вы попросите. Помню, я изъявил желание купить бамбуковую трость [8] и сказал об этом одному маньчжуру, который сам ничем не торговал, он не поленился переехать через Амур (а это шутка: Амур будет против Благовещенска шириною более версты и довольно быстр) и в тот же день привел с собою другого маньчжура, у которого были трости, зная, что я куплю одну трость, много две. Вообще их набивается всегда очень много на пароходы, они бесцеремонно забираются в каюты, жмут руки сидящим в ней, приговаривая обычное "мунду", и, закулив свои ганзы с вонючим табаком и беспрестанно отплевываясь во все стороны, сидят хоть бы только для того, чтобы посмотреть на то, что мы делаем. Если на столе лежат перо и бумага, то кто-нибудь из гостей садится писать, или, если умеет, то и рисовать, причем перо, конечно, оказывается неудобным, и он достает свою кисть. Обыкновенно рисунок изображает какого-нибудь важного маньчжура, с страшными глазами никана (китайца), которых они, по-видимому, недолюбливают.

Из Благовещенска мы выбрались только вечером 9-го сентября, так как наш пароход должен был взять с собою на буксире две баржи, одну с товарами, другую со вновь переселенными казаками, в числе около 200 человек.

Кстати ли, не кстати ли, но делаю небольшое отступление о вновь переселенных казаках, по возможности короткое.

Вновь переселенные, сынки, кадеты, гольтепаки, бузуй, эти слова часто приходилось нам слышать на Амуре. Постараюсь слегка ознакомить вас с теми людьми, которых называют этими именами, слегка, конечно, потому что для того, чтобы писать об них подробнее, надо было сделать с ними более подробное знакомство, чем то, которое я мог сделать, плывя с ними на пароходе.

Во всяком гарнизонном батальоне накоплялось много "сволочи", другого названия им не было, в Сибири же рабочих рук мало, а потому граф Муравьев и предложил прислать в Восточную Сибирь всю эту "сволочь", конечно, думая при этом, что когда они попадут в новую страну, где неволей иль волей придется работать, заниматься обработкой земли, то из них выйдут порядочные люди. Для этого и было решено поселить их между казаками, "сынками" к различным хозяевам. Полжизни своей, после отдачи в солдаты, прожили эти люди, не имея в руках никакой собственности, кроме казенной, не работая ничем, кроме ружья для приемов. Попадались они в чем-нибудь, их секли; если это усиленное сечение вело к тому, что человек еще более озлоблялся и делал, наконец, что-нибудь похуже обыкновенного проступка, тогда, наконец, решались отдать его под суд, прогоняли сквозь строй и затем махали уже на него рукой. Потом повели таких людей в партии через всю Сибирь, а это, как известно, самое лучшее средство испортить даже неиспорченного человека. Веселая компания, близость с личностями, проповедующими, что солдату у мужика украсть не только можно, но даже чуть ли не должно, сближение с ними, как и всегда бывает в дороге, воровство по пути, пяти-шеститысячный путь с возбуждаемым им озлоблением, когда он неудобно

проходится -- всё это замечательная школа (о которой, впрочем, уже довольно было писано по поводу арестантов). Ну, и вышли люди разные, но главные отличительные признаки большинства -- это склонность к пьянству, отчасти к воровству, и страшное озлобление против всякого начальства, всё равно: винного или безвинного; "какое начальство во всякую минуту не виновато перед нами по закону?" Вот фраза, которую мне приходилось слышать не раз.

Казаки, по многим причинам не любящие новых пришельцев, встретили их недружелюбно. Да и как было им смотреть на человека, вошедшего рабочим в семью по приказанию начальства, да еще и неумелого, совершенно отвычного от сельских работ. А на женатых еще пришлось обществу даром строить избы. Уж Бог, впрочем, знает, как были во многих батальонах построены эти избы, как снабжены хозяйством. В результате вышло то, что казаки сразу не полюбили сынков, а сынки и их не полюбили, отчасти потому, что вообще "расейские" свысока смотрят на сибиряка, отчасти потому, что не за что было полюбить при неприязненной встрече.

Так как хлебопашество вообще им не давалось, по собственному неумению, по невозможности одному человеку взяться за хозяйство, так как другим не жилось в семьях и пр., и пр., то они стали ходить на работы на прииски, в Сретенскую гавань, на сплав и т.п., т.е. на такие работы, где всё как будто нарочно подстроилось для того, чтобы человеку еще более испортиться.

Между тем так как в Николаевске, от недостатка рабочих, была страшная дороговизна рабочих рук, то туда послали часть этих сынков из амурского батальона. Но к работе они были непривычны, заработная плата не могла соблазнить их, потому что впереди ничего не предвиделось, как только выпивать на свой заработок; следовательно, понятно, что рабочие вышли из них прескверные, а так как водка, ром и т.п. в Николаевске не дешевы, то для того, чтобы было на что выпить, пришлось пуститься на воровство, -- и в Николаевске развилось страшное воровство. К тому же прошлым летом боялись уже, что сплав может не дойти, а потому порешили отправить сынков из Николаевска в Благовещенск. В Благовещенске тоже тяготились подобными сынками, а потому порешили собрать их из Благовещенска и отправить в Забайкалье, там-де что-нибудь с ними сделают, разместят в казачьи батальоны, одним словом, сделают, что хотят, а в Благовещенске лишнего хлеба нет, чтобы кормить такой непроизводительный народ. Таким образом, поместили всех таких сынков, около 200 человек, на одну баржу, женатым предоставили ее внутренность, а холостых поместили сверху, на палубе, и отправили в дорогу дней на двадцать. Это было в начале сентября. Ночи в это время становятся в Сибири очень холодные, а надо было посмотреть на наряд этих людей: у некоторых шинель и холщовые брюки, да холщовая же фуражка составляли весь наряд. У иных и шинели не было (у двух, у трех -- на том основании, что дали им вместо солдатской шинели арестантскую, они чрезвычайно этим обиделись и пропили шинели). Другие жаловались на невыдачу им из казны следовавших вещей, но нельзя сказать, чтоб это действительно было так: во всем верить им трудно; но мы убеждены, что тут есть доля правды. Наконец, если и давали по положению, то этого недостаточно. Надо принять в соображение, что делать просеку в девственном лесу или идти со сплавом, находясь иногда целую неделю под дождем и налегая на весло, не то что жить в казармах [9].

Но вообще на них смотрят как на людей, внимания не стоящих, а потому, например, вот какие случаи происходили в Благовещенске. Наш пароход простоял в Благовещенске четверо суток в ожидании отправки этих сынков: в первые два дня ничего не делали, на второй был праздник, 30-го августа, в городе было много именинников, следовательно, тоже ничего не делали; только 31-го в девятом часу вечера, в такое время, когда и зги не было видно, собрали людей, пересчитали их и выслали на баржу. Крики, шум, руганья, визг детей возвестили нам о их прибытии. При свете двух фонарей по счету посадили всех на баржу, сняли сходни и оттолкнули ее от берега. На другой день оказалось, что женатые набрали с собою слишком много клади, гораздо больше, чем сколько полагалось на человека [10], пароход был частный, Амурской компании, и капитан не хотел везти лишний груз, а потому на другой день всех снова высадили и стали вешать имущество. В это время часть сынков пошла в город и, собравшись перед квартирой полицмейстера, начала шуметь. Их разогнали, а трех зачинщиков заковали. Конечно, мы поинтересовались узнать, что было причиной этого обстоятельства. Оказалось, что несколько человек, присланных в Благовещенск, сидели под арестом и в течение 8 дней не получали никакого продовольствия. Теперь они стали требовать себе провианта за эти 8 дней. Так как это требование было слишком грозно, то их заковали и выдержали под арестом на барже. При мне кто-то сказал им, зачем же они не просили себе провианта: тогда бы их, верно, удовлетворили. Если они восемь дней не получали провианта, то это случилось как-нибудь и т.п. -- "Эх, да уж надоело просить. Да вы сегодня что-нибудь ели?" -- "Ел". "То-то вот, а мы сегодня еще ничего не получали. Провиант приняли, а раздавать до сих пор не раздавали". Это было уже часов в восемь вечера, и до восьми им не позаботились дать провианта, в девять же часов поздно ужин варить, к тому же вешать темно: "Получите завтра!"

В Забайкалье встретят сынков, конечно, опять с неудовольствием. Когда, в проезде по Аргуни, я говорил казакам, что к ним скоро пожалуют новые гости, то они были очень этим недовольны, потому что "эти сынки работать не хотят, на сходках горланят, и только". Но нужно также сказать, что некоторые батальонные командиры, которые умеют хорошо обращаться с ними, заботятся о них, но вместе с тем строго взыскивают за воровство и т.п., те, которые старались соединить их в артели, приохотить к работе, те говорят, что сынки особенно не тяготят их; точно так же мы слышали, что и на Амуре они местами образовали артели и хорошо занимаются хозяйством. Вообще же казаки их недолюбливают, оттого, что на них приходится строить избы, а пользы от них мало, постоянные ссоры с обществом. Впрочем, тут, может быть, отчасти виноваты и сами казаки, решить этот вопрос могут те, которые жили с ними.

Но довольно, 1-го сентября вечером наш пароход "Генерал Карсаков" отчаливал. Надо было пройти хотя несколько верст, так как на другой день был понедельник, и капитан не решился бы выйти в такой тяжелый день. Маленький, всё более застраивающийся городок проходил перед нашими глазами, на берегу гулянье под звуки музыки, несколько платков машут нам на прощанье, мы отвечаем тем же, закатывающееся солнце, чудесный, широкий Амур, китайская деревня посреди деревьев, поля и горы на горизонте.

Пароход (надо же показаться перед благовещенскими жителями) идет полным ходом, мощно таща за собою вверх две баржи, -- одну с товарами, другую с

сынками. И на них, видно, подействовал вечер, собрался хор, и даже закованные подтягивают в хоровой песне...

Выше Благовещенска тоже пострадали казаки: что спаслось от наводнения, то большею частью проросло на корню или в снопах; впрочем, когда была приведена в известность потеря, то все-таки оказалось, что 1-й полк просуществует своим хлебом. Вообще же от наводнения избавился только 2-й полк, расположенный от Благовещенска почти до Хингана, и крестьяне по реке Зее.

Поднимаясь дальше, мы узнавали, что и на Шилке в августе было такое наводнение, какого не помнят уже лет 80. Старые поселения, как, например, Шилкинский завод, страшно пострадали, целая улица домов, выходившая к реке, была отмыта водою и снесена со всем имуществом. Вода подступала под самую церковь очень старой постройки; крестьяне должны были выбраться к горе и там жить, пока не сбыла вода.

Всякое сухопутное сообщение вдоль по Амуру прекратилось, а потому мы принуждены были тащиться на пароходе "Карсаков" [11], который, благодаря нераспорядительности и медленности своего капитана, тащился иногда по 30-40 верст в сутки.

Тема № 3.

Из Иркутска (продолжение). 31.03.1864. «Современная летопись», 1864. № 20. С. 7-9.

Добравшись до Усть-Стрелки и не желая по-прежнему тащиться по тридцати верст в сутки, я съехал с парохода и отправился по Аргуни. Амурский тракт в Читу идет, собственно говоря, по Шилке частью берегом, частью "горою".

Берега Шилки, как я уже писал прежде, загромождены огромными утесами; утесы эти подступают к реке вплотную, спускаясь к ней иногда чуть не вертикальными обрывами. Между утесами и рекою можно иногда воспользоваться узким пространством, по которому едва проходит лошадь, и по этому-то узкому куску утеса, заваленному покатыми к реке камнями, пробирается привычный к таким переходам конь, часто с огромным вьюком. Но эта дорога по Шилке, большею частью слегка поправленная, с перилами, была залита, и приходилось бы объезжать каждый утес, а так как утесы опускаются круто не только к реке, но и в обе стороны, то, чтобы перевалить через каждый отрог, надо углубляться в горы, подниматься вверх по "падушке" и точно так же спускаться, чтобы снова таким же образом объезжать каждый утес. Дороги в горы нет, а потому приходилось бы делать громадные объезды. Вот почему все, знавшие эту дорогу, советовали мне сперва ехать Аргунью и выехать на Шилку только там, где уже проведена настоящая верховая дорога, т.е. выше Горбицы (миновав шесть пустых станков), так как по Аргуни прежде шел Амурский Тракт, и там существует в горах верховая дорога и сделана просека.

Усть-Стрелочная станция, находящаяся на Аргуни при слиянии ее с Шилкой, окружена со всех сторон горами: еле-еле выдалось местечко для ряда домов и часовенки; пашни разбросаны по горам. Затем на 45 верст нет уже селения, но каких 45 верст! -- меренных Аргунью, а горою верных шестьдесят. Дорога однообразна; крутые подъемы, крутые спуски с невысоких гор, которых целые массы нагромодились в этих местах; во все стороны только и видно, что горы да

горы, заросшие пожелтевшею в это время лиственницей, посреди которой, как оазисы, выдаются зеленые кучки кедровых стланцев. Иногда, из-под той горы, по которой вьется тропинка, виднеется половина Аргуни, русло которой забросано громадными гранитными валунами [12]. Луга очень редки, и казаки принуждены бывают косить сено на китайской стороне, так как площадки, выдающиеся на этой стороне между гор, все заняты пашнями или самими станицами. Такой же характер имеет и второй станок от Усть-Стрелки в 60 верст (Аргунью же, а едут горами) с тою только разницей, что спуски еще круче и нет возможности спускаться иначе, как держа лошадь в поводу, причем она иногда вдруг несколько шагов скатывается на задних ногах, с шумом роняя мелкие камешки, по которым идет спуск. Дорога состоит из простой тропинки, выющейся в лесу, которая теперь так заросла травой и огромными корнями деревьев, что трудно было бы отыскивать ее, если бы не зарубки на деревьях. Глушь страшная, только изредка удается увидеть козу, с необыкновенною легкостью несущуюся в лесу, или напасть на медвежий след; кроме того, иногда чуть не из-под ног лошади с шумом выскакивают тетерева.

Большую же частью в лесу царит мертвая тишина, нарушаемая только тогда, когда вы подъезжаете к бурливой горной речке. За речкой снова подъем, крутой, каменистый, скучный. Но вот мы выбрались на возвышенность, на безлесную площадку "елань" в несколько верст в окружности. Хочется пустить лошадь рысью, но нет: на возвышенности образовалась "марь" -- огромное болото из гниющей травы и залеживающегося снега. Тут и тропинка исчезает, всякий пробирается, где ему удастся, посреди кочек, поросших каким-то кустарником, напоминающим своими плодами хлопчатобумажник.

Такую местность я видел на всем моем пути по Аргунь.

В этих местах попадались мне между казаками зобатые: это переселенцы с Урова. Уров -- река, впадающая в Аргунь с левой стороны. В низовом течении она большею частью течет в узкой гористой долине, но в верховьях -- по одной из самых плодородных долин во всем Забайкалье, -- чрезвычайно хлебородной и с превосходными покосами, до того хорошими, что и теперь жители, переселенные оттуда и частью с Аргуни, ездят на Уров ставить сено часто за 50 и более верст. В 13 станицах, растянутых по реке Урову, на протяжении 120 верст, было замечено развитие зоба и кретинизма. Местный доктор г. Кашин занялся исследованием причин этой болезни и нашел причины образования зоба в характере местности и образе жизни [13], и преимущественно в воде, в которой, по его, впрочем, неточному анализу (накрахмаленная бумажка), можно было разве только предположить отсутствие йода, а никак не прямо выводить заключение об его отсутствии. Статья, написанная г. Кашиным по этому поводу, никак не могла убедить, чтобы причиной зоба непременно была местность, потому что, во-первых, он вовсе не обратил внимания на наследственность, которая с особенною силой влияет в горных лощинах, где браки большею частью совершаются между жителями одних и тех же деревень, -- явление, как говорят, довольно часто встречающееся вообще в Забайкалье, где есть целые деревни, наполненные лицами одной и той же фамилии, а во-вторых, совершенно не доказал и не подтвердил даже ни одним примером, выразившись общою фразой, что с переселением в другую местность уменьшаются зобы и дети бывают не зобатые (последнее положительно невероятно). Следовательно, нельзя было исключительно винить местность и воду,

нельзя было и потому, что причины образования зоба до настоящего времени совершенно неизвестны науке, и что тут же рядом встречаются опровержения того, чтобы уровская вода была причиною образования зоба (так как они встречаются по Аргуни выше Урова) и чтобы Уровские горы были также тому причиною, потому что можно насчитать кучу фактов существования зобатых в широких долинах и равнинах [14];. Господин же Кашин крайне преувеличил влияние уровской воды, приводя, например, в доказательство своего положения, что в Усть-Уровской станции живущие по Урову зобаты, живущие же по Аргуни -- нет, совершенно забывая, что есть зобатые выше и на Аргуни и не обратив внимания на то, что жившие тут по Урову могли получить свои зобы по наследству. Преувеличение простирается, как говорят очевидцы, весьма достойные доверия, и на величину зобов (будто бы до объема детской головы; но таких больших зобов им не случалось видеть). Одним словом, статья г. Кашина была только первым шагом исследования этого чрезвычайно сложного вопроса. Но появилась она в такое время, когда нужны были люди для заселения Амура, казаков из Забайкалья уже и так довольно много было послано, -- а потому эта статья, которая в другое время вызвала бы более серьезные исследования, более разнообразные опыты, подбор статистических фактов и т.д., тут привела за собой не исследование, а просто выселение казаков с этой местности на Амур и на амурский тракт, на низовья Аргуни. Тринадцать деревень, на одной из самых богатых местностей, опустели, жители выселены, и только оставшиеся пустые их дома свидетельствуют о надежде жителей когда-нибудь вернуться из бесплодных, диких, бедных землею поселений на низовьях Аргуни в богатейшую, черноземную, плодородную Уровскую долину. Вообще эти пустые дома свидетельствуют о чрезвычайно грустном факте: переселение было сделано вследствие статьи, ничего не доказавшей и которой недоказанность доказана через несколько времени другою статьей [15], более добросовестною, так как она умела сознаться в неведении науки об этих фактах. Как бы то ни было, ошибка сделана; конечно, вернуть уровцев, переселенных на Амур, невозможно, но те, которые живут теперь по Аргуни,нося те же зобы, как и на Урове [16], просят только об одном, чтобы им позволили вернуться на старые плодородные места. Бесспорно, комиссия, назначенная с целью пересмотра, насколько тут могут быть вредны уровская местность и вода, была бы истинным благодеянием в этом случае, хотя бы потому только, что разъяснила бы вопрос о зобатых.

Но продолжаю описывать свой путь: когда, оставив Аргунь, я выехал на реку Газимур, в нескольких десятках верст от ее устья, то увидел совершенно другую местность. Правда, те же горы, но между ними выдаются широкие, теперь просохшие долины с богатой черноземной почвой, на которой хлеб родится превосходно. Впрочем, в нынешнем году превосходные луга от проливных дождей превращались в болота, а хлеба пострадали от мороза, бывшего 20-го июля; за ночь, говорили мне, вода покрылась слоем льда в палец толщиной. Вследствие этого хлеба, бывшие тогда в цвету, большею частью никуда не годились. Подъезжая к полю, я видел богатые, роскошные хлеба огромного роста, но зеленоватые (я проезжал в половине сентября). Если я брал в руки колос, то он оказывался пустой. Конечно, ночной мороз не везде был одинаков, завися от положения долин, степени открытости или закрытости их, так что были места, где жители надеялись собрать

что-нибудь и, по крайней мере, не боялись голода, тогда как на низовьях Аргуни эта боязнь была очень основательна, -- весь хлеб пророс или сгнил в снопах.

Проехав несколько десятков верст по Газимуру, я должен был сделать последний перевал, чтобы выехать на Шилку, а там уже ехать по почтовой верховой дороге. Последний перевал огромный, около 60 верст через Голец (гольцы -- горы, обнаженные от леса [17], -- большею частью из гранитных глыб, в сентябре уже покрытых снегом). Дороги уже вовсе тут нет, только вьются по разным направлениям несколько тропинок, протоптанных зверопромышленниками -- казаками, которые с Газимура иногда возили хлеб на Шилку, конечно, на вьюках. Приходится пробираться через чащи из мелкого ельника, спускаться по тропинкам, заваленным громадными камнями, сброшенными с вершин, или вековыми лиственницами, долины часто усыпаны крупными остроконечными камнями, "россыпями", и нужна вся переносливость забайкальской горной лошади, чтобы переносить подобную дорогу.

Но вот речушка, текущая в Шилку, из-за деревьев выглянула одна мутовка [18], через 100 саж. другая, еще и еще, на каждых 50-70 саженьях. Наконец, вот и Шилка в страшном разливе; насилу докричались, пока из деревни выехал "бат", лодочка, выдолбленная из одного цельного дерева, качкая, но поворотливая и управляемая одним веслом. Впереди до Сретенска уже настоящая почтовая дорога, т.е. тропинка, вьющаяся на вершине или, что еще хуже, на крутой покатости горы, спускающейся утесом к Шилке; объезды под утесами, местами промытые водой; спуски гор с оврагами под ногами лошади, -- одним словом, со всеми удобствами горных дорог...

1. Интересно бы точнее знать, насколько поднимается вода во время таких наводнений, а также быстроту прибыли. Во всяком случае можно сказать, что уровень воды в Амуре поднимается около 2-х сажень, если не более, и в очень небольшие промежутки времени.

2. Река, впадающая с китайской стороны, до того большая, что она по впадении берет верх над Амуром и на большое пространство окрашивает воды его в молочно-известковый цвет. Про Сунгари носят слухи, что она течет по чрезвычайно плодородным местам, которые богаты скотом, славятся речным жемчугом, даже проходима для пароходов. Конечно, было бы очень интересно снарядить экспедицию, чтобы удостовериться в справедливости этих слухов.

3. Некоторые из машин уже действуют в настоящее время, от других присланы только некоторые части.

4. Корреспондент "Русского вестника".

5. Впрочем, в двадцатых числах сентября вызвался один охотник доставить до Благовещенска 10 000 пуд. муки, а из Благовещенска этот хлеб со вскрытием реки может быть доставлен туда, куда потребуется, до прибытия самых ранних рейсов. Эти же рейсы будут готовы отправиться весною из Сретенска, то есть уже с Шилки, а не с Ингоды. Впрочем, этот хлеб до Благовещенска не дошел, а зазимовал где-то на Амуре.

6. Весною 1863 г. скот был куплен для сплава в Николаевск по 16 руб. сереб. мон. за штуку, считая наполовину, кажется, быков и коров. Серебро ходило по 1 р. 40 к. На бумажки, следовательно, вышло по 22 р. 40 к.

7. Говорят, что в нынешнем году они намерены уже сеять ярицу (яровую рожь).

8. Стоит копеек пятьдесят; бывают длиною от 2 до 3 аршин.

9. Одежда сплавщиков (солдат первого батальона) в прошлом году представляла очень жалкую картину: на иных то, что носило название рубашки, было не больше как несколько лохмотьев. В прежние года, говорят, на сплавные суммы (так как сплав делается казною в форме коммерческой операции) покупался сплавщиками ситец, доба. Это было совершенно справедливо, потому что если за бытность на сплаве и получатся солдатами какие-то деньги, то уже после сплава. Да, наконец, если б и были деньги, то где же сплавщик купит себе ситцу? Известно, что рейсовые начальники избегают остановок в Благовещенске и больших станицах, чтобы избавить людей от соблазна напиться, наконец, если и останавливаются, то вечером. Тоже известно, что если бы сплавщик пошел покупать себе рубашку, то с него, как с проезжего, взяли бы втридорога.

10. Холостые же, кроме самих себя да одежды, ничего не имели.

11. Пароход "Карсаков" -- один из лучших на Амуре. Этот пароход 100-сильный (около 90) и сидит, между тем, только 3 фута -- это единственный буксирный пароход, который ходит по Шилке. В настоящее время он куплен в казну.

12. Так как окрестные горы большею частью состоят из гранитов, то весною много падает с горы огромных камней, разрушающихся во время зимы от замерзания просачивающейся воды.

13. Хотя он во многом походит на образ жизни во многих и многих местах Забайкалья.

14. Между прочим прибавлю, что я видел одного зобатого китайца в деревне Сахалин против Благовещенска из местных уроженцев. Что могло быть причиною образования зоба в такой превосходной, плодородной равнине, как не наследственность?

15. "Зоб и кретинизм в Нерчинском округе" В. Дерикера. Вестн. Геогр. Общ. 1857. XIX, No 1 [5].

16. Бесспорно, через несколько времени число зобатых на Аргуни начнет уменьшаться, но не от воды, а от вступления урвцев в брак с жителями прибрежий Аргуни.

17. Лес иногда заменяется кедровым сланцем, мелким кедровым кустарником.

18. Небольшая мельница с вертикальным валом, приводящим в движение один жернов.

Тема № 4.

Из Восточной Сибири: (Байкал, Бурятский дацан). Без даты. «Современная летопись», 1864. № 24. С. 9-11.

Приехав в Иркутск, я застал там оживленные толки о нескольких крупных фактах, интересных не только для иркутских жителей, но и для всех русских читателей. Но об них было довольно писано корреспондентами столичных газет, им возражали в "Иркутских губернских ведомостях", следовательно, дело несколько выяснено, так что я упомяну только об одном интересном факте. В Иркутске в настоящее время красуется городской полицейский телеграф. Он проведен между тремя частями [1], на которые разделен город, и действует с помощью трех аппаратов. Вся игрушка стоила, говорят, около 2000 руб. Телеграф этот просто мозолит глаза всякому рассудительному человеку. Беспреданно от всех приходится слышать: "Ну какая надобность Иркутску в городском телеграфе? Что они будут такое нужное

передавать? В случае пожара, что ли?" Но очевидно, что в случае пожара сигналист на одной каланче скорее увидит фонарь, выставленный на другой, чем от нее успеют передать сигнал в помещение телеграфа, откуда уже примутся телеграфировать и т.д. Все это очень ясно. В одном только случае телеграф принесет пользу. Понадобилась для какого-нибудь дела справка из другой части: вместо того чтобы ждать, пока наберется несколько подобных справок в одну часть и тогда отправлять рассыльного, лучше спросить по телеграфу. Может быть, найдется еще два, три случая, в которых телеграф будет полезен; но все это недостаточные причины для того, чтобы заводить его. О нем могла бы быть речь только тогда, когда бы сообщений между частями было так много и они были бы так часты, что было бы выгоднее единовременно затратить капитал, дабы потом удешевить стоимость сообщений, чем ежегодно тратить значительную сумму на содержание рассыльных. Может ли этот случай иметь место в Иркутске? Стоило ли единовременно затрачивать на постройку телеграфа 2000 руб., да, кроме того, будет ли содержание служащих при телеграфе обходиться настолько дешевле сравнительно с содержанием рассыльных, чтобы телеграф оказался выгодным? В Иркутске, само собою, -- нет. А мы так убеждены даже, что и число рассыльных останется почти то же, только прибавится еще известный расход на содержание телеграфа. Наконец, если бы в Иркутске не было надобности в сотнях других усовершенствований по устройству города, тогда понятно, что можно и телеграф завести, но заводить его там, где нет других, более полезных, даже необходимых учреждений, -- это просто странность.

Но на это могут сказать, что телеграф построен на деньги, пожертвованные именно на его устройство. Действительно, можно дойти до того, чтобы утверждать это. На деле же постройка телеграфа есть жалкий факт, доказывающий, что с таким купеческим обществом, как иркутское, можно делать что угодно, и на его денюжки всякие затеи приводить в исполнение.

Впрочем, довольно об этом. В начале апреля я выезжал из Иркутска за Байкал. Байкал составляет огромное препятствие сообщениям Иркутска и России с Забайкальем. В первых числах апреля почтовые станки снимаются и почтовое сообщение через байкальский лед прекращается: почта ходит кругом моря до второй половины мая, когда открывается паромное сообщение. Но для частных лиц бывает еще возможность переехать Байкал даже в самых последних числах апреля, заплатив прибрежным крестьянам иногда довольно значительную сумму за переезд, от 10 до 50 и даже до 100 р., смотря по времени и трудностям. Эти переезды отличаются порядочною оригинальностью, но крестьяне уже хорошо знают Байкал и привыкли бороться со всеми трудностями, а потому переезды большею частью бывают безопасны, иногда, впрочем, сопровождаясь купаньем в Байкале. Лед растрескивается, и для переправы через такие трещины [2], через которые положительно уже невозможно перескочить лошадям, приходится прибегать к разным хитростям. Тогда или подкладывают несколько кольев, вместо моста, или отыскивают кусок льдины, чтобы втиснуть его там, где трещина поуже, сделать из него мост, переезжают на льдине, как на пароме, причем все зависит от воли ветра, и приходится иногда ждать, пока соседние трещины не закроются, что бывает часто с переменой направления ветра. Но затем, около начала мая, всякое сообщение становится уже невозможным и приходится ездить кругом моря.

Кругоморский тракт не даром с давних времен пользуется известностью и занимает одно из видных мест в числе дурных дорог, которых немало в хребтах Восточной Сибири. Тут приходится ехать верхом около 200 верст через огромные болота по плоским вершинам гор, подниматься по несколько часов на крутые горы и, наконец, переваливать через хребет из громадных гольцов, засыпанный невылазными, тающими в начале мая снегами, иногда в две сажени глубиной. Ехав в прошлом году, около 10 мая, по этой дороге, я принужден был 20 часов тащить один станок в 18 верст; лошади вязли в снегах, тонули по самую морду в озерах, образовавшихся в долинах, между снеговыми берегами, и проваливались на каждом шагу сквозь тонкую кору отвердевшего снега. Не менее затруднительна в это время и переправа через реку Снежную, которая бурлит поверх льда, осевшего на дно, с невыразимою силой ворочает огромные камни, достигая непомерной быстроты от прилива тысячи мелких ручейков и импровизированных в снегах речек. Вообще только крайняя необходимость вынуждает ехать в это время кругом моря. Так бывает весной. С половины ноября, когда сообщение на пароходах становится уже опасным, снова начинается езда по "Кругоморке", хоть и не с такими трудностями, как весной, и продолжается до января следующего года, пока Байкал не станет.

В нынешнем году лед был очень крепок, и, когда я переезжал Байкал 10 апреля, даже почтовые станки не были еще сняты. Попадались, правда, во льду три, четыре трещины, но лошади свободно их перепрыгивали. По всей дороге от моря до Читы, главным же образом за Верхнеудинском, попадались мне крестьяне, везшие провиант в Читу. Так как в прошлом году была засуха, а отчасти и голод в Забайкалье, хлеба же для Амура все-таки требовалось несколько сот тысяч пудов, то решено было закупить этот хлеб в Иркутской губернии. Обыкновенно закуп производился, да и в нынешнем году произведен, не коммерческим образом, а чиновником по так называемым вольным ценам. Этот термин означает, что на каждую волость накладывается столько-то хлеба по цене, которая в нынешнем году была назначена 35 коп. за пуд муки и 85 коп. за доставку из Иркутской губернии в Читу. В настоящее же время, ехавши по тракту, я обгонял транспорты с артиллерийскими вещами, доставка которых обходится от Верхнеудинска до Читы по 1 р. и 1 р. 15 к. с пуда, от Иркутска же вольные цены были не менее двух рублей.

Если эти цифры и покажутся неубедительными, то вот другие [3]: на лошадь накладывается здесь не более 20 пуд груза. Положим -- 20 пуд кроме бочки; следовательно, за доставку их получится с казны 17 р., а за 4 подводы -- 68 р. Обозы, которые я обгонял, шли от Иркутска до Читы не менее месяца -- до шести недель -- средним числом 35 дней. Лошади дается в день не менее 10 ф. сена. Пуд сена, самого дрянного, стоит не менее 50 к. и до 1 р., берем 75 к. На четыре лошади выходит 1 пуд, следовательно, в 35 дней 26 р. 25 к. [4] Так как ясно, что на десяти фунтах невозможно лошади идти и везти кладь, то возчики дают им еще ячменя. Пуд ячменя стоит 1 р. и более, но положим, что в день лошадь съест копеек на 15, четыре лошади в 35 дней -- 21 руб. Один крестьянин при 8-ми возах съест в день копеек на 10 [5] (на 4 воза приходится 5 к.), да за ночлег можно положить хоть по копейке с воза, да две копейки за возчика -- итого 10 коп.; еще 3 р. 50 к. Затем, прийдя в Читу, он пробудет там хоть два, три дня для сдачи; Чита дешевле 3-4 руб. ему не станет. Итак, еще 3 р. [6] Затем надо назад идти. Назад пойдут скорее -- дней двадцать; где можно, будут идти на подножном корму, причем лошади питаются

прошлогоднею "ветошью" (старою травой). Положим, придется употребить всего пудов десять сена. Еще 7 р. 50 к. Переночуют, положим, в поле; на еду по 5 коп. в день, следовательно, 1 р. Далее, работник, положим, один при 8 возах; он стоит не менее 4-5 руб. в месяц, следовательно, на 58 дней хоть 8 руб., на 4 воза приходится 4 руб. Итого 66 р. 25 к. Это такие цены, которые только заставляли улыбаться крестьян, слышавших этот расчет. Так они низки. А переправы через реки? Вот, например, весной, чтобы перевезти через лед на Селенге воз в 20 пудов, брали 2 руб., да хоть по рублю, и то за 4 подводы 4 рубля. Потом надо же справить телеги, оковать их, взять от дома нужных в эту пору лошадей, справить сбрую и пр., и пр. ... Словом, очевидно, что этивольные цены по 85 коп. с пуда делают продажу хлеба налогом на Иркутскую губернию для Амура. Но лучше всего говорили за себя сами обозы. По дороге они представляли чрезвычайно жалкую картину: изнуренные клячи едва-едва тащат двухколесные телеги с бочками. Позади обоза идут несколько едва переступающих лошадей уже без клажи. Вдоль по дороге валяются павшие клячи. Следовательно, крестьянин доставит не полное количество заподряженного хлеба, станут продавать его лошадь, чтобы пополнить это количество...

Слава Богу, теперь перестали это делать... Надо отдать справедливость -- в Забайкальской области старались облегчить крестьянам горе: по всей дороге старались выставить сено, предписывая бурятам вывозить его для продажи на дорогу и т.п. Это хоть дало обозам возможность дойти до Читы. Затем, чтобы дать возможность тем, которые сдали хлеб в Чите, выбраться оттуда [7], местный губернатор разрешил выдачу им по рублю на телегу. И как были благодарны крестьяне за эту милостыню! Когда же, наконец, окончится такая система снабжения Амура? Такого рода закупы производились постоянно, за исключением года или двух, и в Забайкалье, на том будто основании, что надо стряхнуть с жителей неподвижность и заставить их продавать за хорошую цену свой хлеб. За хорошую цену! Но была ли эта цена хорошею? Вот вопрос, а ответом на него могут отчасти служить предыдущие строки.

В стороне от тракта, верстах в двенадцати, за рядом небольших холмов, в долине находится бурятский дацан Онинский. Дацанство -- приход. Дацан -- храм, около которого живет ламайское духовенство. Онинский дацан не из богатых; храм построен лет пятьдесят тому назад каким-то иркутским архитектором под руководством одного старого тайши. Архитектура его чрезвычайно напоминает архитектуру наших церквей -- та же колокольня (хотя и без колоколов); даже тот же крестообразный вид в плане. Дацан построен из кирпича, крыт тесом, вся работа довольно грубая. Величиною он не больше наших, среднего размера, сельских церквей. При входе в двери изображены барельефом какие-то два фантастических зверя, напоминающие собак. Внутри храма, в глубине против входа, стоят три больших идола, глиняные, позолоченные; около них куча мелких бурханов из бронзы, иные с собачьею головой (бог зла, когда он рассердится), другие с несколькими руками. Около них наставлены употребляющиеся при богослужении колокольчики, чашечки, длинные курительные свечи; перед бурханами день и ночь теплится в большой плошке огонек. Весь храм завешан большими лентами, сшитыми из кусков синего, желтого и красного сукна, шелковыми лентами с молитвами и т.п. Прямо от алтаря до входных дверей сделаны низкие скамейки для

лам, а у алтаря спиной к богам -- кресло для "ширета" (главное духовное лицо в дацане). В стороне от алтаря лежат богослужебные книги на тибетском языке, узкие, длинные, состоящие из отдельных листков, сложенных между двумя дощечками. Всех их штук до 60. В боковых отделениях храма хранятся несколько медных длинных труб, величиною иногда до сажени, раковин, бубнов, в которые нещадно трубят, пищат и гремят при богослужении. Тут же стоит белый деревянный слон, которого раз в году, когда "собирается вся братская компания", как объясняет переводчик, возят вокруг дацана. Дацан построен в два этажа, в верхнем этаже молельня, только гораздо грязнее и беднее, без больших истуканов, почти все бурханы намалеванные на холсте. Тут, по крайней мере, хоть есть где поместиться народу, а внизу так устроено, что только ламам и прислужникам есть место, народа же может поместиться лишь самое небольшое количество -- остальные могут со двора смотреть. Вокруг дацана построено несколько деревянных часовенок, в которых те же намалеванные бурханы; в одной из них, впрочем, поставлена огромная пустая деревянная шестиугольная призма, которая, как юла, вертится на вертикальной оси. Она нагружена молитвами "ом-ма-ни-бад-ме-хом" ("господи помилуй", поясняет лама). Каждый поворот этой "курды" равносителен тому, как если бы вертящий ее столько же раз повторил молитву, сколько раз она повторяется в бумагах и книгах, которыми доверху нагружена юла. Около дацана живут 13 лам, народ самый непроизводительный, с кучею прислужников и разных должностных при дацане. Все это питается на счет прихода и нещадно обирает его. Впрочем, ламы полезны в одном отношении; они обладают очень порядочными медицинскими познаниями и некоторые болезни, как говорят, вылечивают гораздо лучше наших врачей. В некоторых местах, отдаленных от городов, где обратиться к доктору за помощью есть уже некоторый риск, большая часть населения скорее пойдет к ламе, чем к русскому доктору, который, попав в глушь, часто засыпает на казенном содержании и забывает даже то немного, что знал.

В домах у лам те же алтарьки с бурханами, несколько книг, грязь, непомерное любопытство обо всяких, нисколько до них не касающихся, предметах -- вот проехал генерал такой-то, а скоро ли поедет такой-то и правда ли то-то и т.д. Между прочим, русская цивилизация занесла к ним своего спутника -- самовар, а с ним проникли и погребцы и стаканы, из которых ламы пьют чай, когда угощают гостя, прикусывая кусочком наигрязнейшего сахара.

Ламайское богослужение, говорят, очень интересно, особенно несколько раз в году, во время больших праздников, например в июле, когда оно продолжается несколько дней: тогда катают бурхана на слоне, а после того начинаются под палящим степным солнцем игры вроде олимпийских. Но так как самому мне не случилось присутствовать на этих праздниках, то об этом -- до другого раза.

1. Расстояние между ними не более двух верст.

2. Пишу это по рассказам.

3. Предупреждаю только, что чрезвычайно трудно высчитать, во что обходится крестьянам доставка хлеба, -- каждый обоз идет по-своему, -- не так, как другие, оттого и цены другие; вообще цифры, которые я привожу, только приблизительные; большею частью я старался брать возможно меньшую цифру расхода.

4. С приближением к Чите сено становится гораздо дороже. На некоторых станциях оно достигало баснословных цен.

5. Дешевле 3 руб. в месяц (по дороге) не возьмутся кормить взрослого человека.

6. Опять почти исключительный случай: большую частью возчики стоят 4-5 дней, дожидаясь очереди, и при читинской дороговизне это составляет не менее 4-5 руб.

7. Деньги за хлеб выдаются вперед или две трети вперед, а оставшая треть по предъявлении квитанции.

Тема № 5.

Из Восточной Сибири. (Ст[аница] Чиндантская). 14.05. 1864. «Современная летопись», 1864, № 30, стр. 12-13.

Когда я выезжал из Читы, в конце апреля, реки уже прошли, местами даже начинали показываться признаки травы; в Чите, на острове (при слиянии Ингоды с Читой) кипела жизнь: проходили баржи, усиленно работала паровая мукомольная мельница, баржи грузились и отходили, чтоб, отойдя несколько верст, садиться на мели по Ингоде, иногда слегка разбиваться на подводных камнях. Повторялось, одним словом, то, что бывает каждую весну: те же жалобы на недостаток лоцманов, на то, что в лоцмана нанимаются люди, никогда не плававшие с баржами, -- то же стаскивание барж с мелей, та же "Дубинушка" (песня) при снимании барж. Рейсы понемногу, впрочем, подвигались, хотя и старались идти возможно скорее, чтобы поспеть доставить на Амур семенной хлеб ко времени посева. 28 апреля они были, впрочем, только в 20 верстах от Читы.

В Читу ожидался пароход (амурского телеграфа) "Гонец"... то-то удивит читинцев! Пароход на Ингоде -- правда, очень мелко сидящий, не более фута, кажется! Он должен был взять вниз на буксир баржу с грузом, что, впрочем, едва ли удастся исполнить на извилистом фарватере Ингоды и при ее быстром течении.

Скоро мы расстались с Ингодой, круто повернув на юг, на правый ее берег. На правом берегу те же горы, но чем дальше, тем больше видно травы; сосновый лес заменяется березняком, видно, что мы подвигаемся к югу. Хребты становятся мельче, формы округлее, лес постепенно исчезает и, по мере приближения к деревне Усть-Илее, местность переходит в голую степь. Тут на плоской степи, посреди наносных песков и гальки, кое-где поросших тальником, вьется десятками изгибов мелкий, быстрый Онон. Кое-где пробивает он себе дорогу между небольшими отрогами холмов, которые он подмывает, обнажая тогда каменные глыбы, служащие им основанием, отсюда начинают тянуться бесконечные степи, начало громадной Гоби. Холмы, которые мы проезжаем, состоят в верхних слоях из крупного песчаника и мелких камней, посреди которых в изобилии разбросаны довольно ценные камни всевозможных сортов. Со временем из них, а также из попадающихся здесь в окрестностях больших кусков горного хрусталя, тяжеловеса и др. будут, вероятно, извлекать значительную пользу.

За Усть-Илею дорога идет уже по пограничным караулам, верстах в 30 от китайской границы, обозначенной против каждого караула двумя каменными маяками и дорожками, протоптанными для объездов.

В этих местах живут казаки 2-й конной бригады. Эти казаки -- казачья аристократия -- далеко не похожи на всех остальных, особенно пеших. Образованы они из существовавшей уже издавна пограничной казачьей стражи. Вследствие

близости монголов многое переняли они от них: то же громадное скотоводство, то же молодечество при обращении с лошадьми (например, когда их "укрючат" арканом из табуна, чтобы наложить клеймо), та же неприхотливость в еде, когда казак в степи, а дома -- желание блеснуть своим аристократизмом, большими зеркалами, в которые никто не смотрится, пожалуй, лампой, которая никогда не зажигается, едой, сильно смахивающей обилием блюд и приправами на китайщину, то же истинно монгольское любопытство, наконец, та же роскошь в одежде жен, дорогие наряды и всюду проникающий кринолин, красующийся на китайской границе, -- вот что бросается тут в глаза. В довершение всего, загорелые лица и часто попадающийся слегка монгольский тип лица и то, что всякий казак непременно "мало-мало" говорит по-монгольски, довершают оригинальный характер здешнего казачества. Главное занятие пограничных казаков -- скотоводство, а при прежних пограничных правилах -- контрабандная торговля; теперь этот источник иссяк, торговля для всех свободная, а потому многим пришлось приняться за хлебопашество, для разведения которого в этих местах есть много задатков.

Неизбежный спутник степей, скотоводство, достигает здесь огромных размеров: сперва по дороге попадают большие стада рогатого скота, потом большие табуны лошадей. Хозяева побогаче, владеющие стадами в несколько тысяч голов и табунами в тысячу и более кобылиц, не составляют особенной редкости. Вот особенности этого скотоводства. Табуны разделяются на "косяки", состоящие из одного жеребца и десятка кобылиц, которые во всем находятся под руководством жеребца. При здешних условиях хороший жеребец ценится дорого. Весною, даже в начале мая, бывают сильные "пурги" -- метели со снегом, которого выпадает иногда очень много; скот в это время бывает всегда очень слаб, к тому же линяет; снег часто начинает идти с дождем, а к ночи делается сильный холод, ветер разгоняет коней, они разбегаются и, мокрые, совершенно ослабевшие, замерзают или же забегают в пади, чтобы скрыться от ветра, там наносит вороха снега, кони не могут уже выбраться оттуда и гибнут. В этих случаях хороший жеребец чрезвычайно важен, чтобы "грудить", собирать свой косяк. Но часто ничто не помогает и целые табуны скота гибнут. Так как табуны круглый год ходят на подножном корму, зимою питаются "ветошью", прошлогоднею травой [1], заготавливать же сено невозможно (вследствие слишком большого числа голов и малого числа рабочих рук, разбросанных в небольших селениях на огромных пространствах), то ясно, что стада и табуны подвергаются всем возможным случайностям, от которых избавить их нет никакой возможности.

Вообще в настоящее время из всего этого скота извлекается только незначительная доля пользы; молоко от рогатого скота не получается в достаточном количестве вследствие самого характера скотоводства. Так, например, по сибирскому обыкновению корову доят здесь только тогда, когда у нее есть теленок, а между тем масло очень было бы куда сбывать [2]. Скота же теперь сбывать просто некуда или, вероятнее, по вкоренившейся лени, неохотно предпринимается что-нибудь для его сбыта; рогатый скот гонится иногда в Читу и то только тогда, когда цены очень поднимутся, и всегда гонится только небольшое число голов, например 20 или 30. Для лошадей тоже почти нет сбыта. Вследствие этого, когда теперь, после изменений в торговых правилах, открылся свободный ход в

Монголию, то караваны стали двигаться по всей границе в Монголию и Китай для продажи скота. Так как эта торговля есть единственный путь для сбыта скота пограничных казаков, то местное начальство старалось поощрять развитие ее, и в нынешнем году число караванов значительно увеличилось. Вместо того, чтобы ходить, как прежде, только до реки Керулена, куда выходили китайские купцы, казачки стали ходить и далее в глубь страны, чтоб избавиться от этих посредников и продавать скот самим нуждающимся в нем. В нынешнем году несколько караванов намерено отправиться значительно вглубь, до города Доло-Нора (недалеко от Большой стены). Торговля эта по преимуществу меновая -- обмен рогатого скота, баранов и кобылиц на разные материи, а в особенности на кирпичный чай, служащий, большей частью, единицей, с которой переводят потом цены на остальные произведения. В прошлом году за кобылу (стоящую здесь от 10 до 13 р.) монголы давали 10 кирпичей (чая), которые здесь продавались по рублю, и рублей на десять "мягких", т.е. материй, дабы (китайки) и других бумажных материй, или изредка шелковых. Как видно уже из этого, торговля (очень зависящая, между прочим, от умения торговать) выгодна, и вообще развитие ее чрезвычайно желательно, чтобы придать подвижности обленившемуся здешнему населению и доставить сбыт главным произведениям края.

1. В степях здесь преимущественно растет трава "острец"; осенью листья его свертываются и образуют комок, внутри которого под оболочкой засохших листьев имеется прекрасное самосушное сено.

2. В прошлом году оно продавалось в Чите по 10 руб. пуд.

Тема № 6.

Из Восточной Сибири. (Казаки на Амуре). Без даты. «Современная летопись», 1864, № 33, стр. 5-7.

Во время пути моего из Чинданта в Караулы, лежащие вниз по Аргуни (с характером этих мест вы слегка знакомы из предыдущего моего письма), близ Караулов представлялось явление давно здесь невиданное, приходилось иногда ехать между двух рядов пашень. В прежние года и тут, говорят, сеяли несколько хлеба, но настал период из нескольких засушливых лет, хлеба родилось мало, а под боком -- выгодная иногда контрабандная торговлишка золотом, в некоторых местах добывание самосадочной соли, а главное -- повсюду несколько сот голов рогатого скота и тысячи баранов; к чему хлебопашество! Продавал несколько штук скота, -- вот и хлеб! Но в последнее время подряд наступило несколько неурожайных годов в Забайкалье, хлеб вздорожал, да и доставать его было трудно, казаки убедились, что без своего хлеба худо, и теперь хлебопашество снова возрождается, особенно после того, как увидели, что те хозяева, которые не переставали сеять даже и в прошлые годы, круглый год питались своим хлебом.

Действительно, здешние степи, в высшей степени удобные для скотоводства, не менее того удобны и для хлебопашества. От Чинданта почти во всю дорогу до Старо-Цурухайтуя тянулись перед нами необозримые, сперва совершенно ровные, потом более холмистые, но безлесные степи, покрытые на высоких местах наносною почвой, а в падинах превосходнейшим черноземом. Вдали сначала виднелись горы Ара-Булак, которые славятся своими топазами, тяжеловесами, бериллами и т.п. В падах, по многим речкам, стали появляться приисковые партии,

которые с прошлого года закопошились в Забайкалье, и на которые многие безуспешно затрачивают последний капитал. Впрочем, не всё же безуспешно: с тех пор, как вышло разрешение частным лицам искать золото в Нерчинском округе (в тех местах, где оно не было найдено горными чиновниками), заявлено уже множество мелких приисков, из которых один из лучших найден недалеко от Читы. Если разовьются золотые промыслы, то, конечно, хлеб, овес и т.п. станут еще нужнее.

Тут же, на границе, как бы для большей противоположности всей окружающей лени и безделью, работает небольшая суконная фабрика г. Хилковского. Мысль об основании в Забайкалье суконной фабрики возникла давно, так как тут самое простое сукно привозится из Иркутской губернии, а между тем без сбыта пропадают массы шерсти от стад баранов в несколько тысяч голов (у одного хозяина) и от тех тысяч верблюдов, которые на свободе водятся в этих необозримых степях. Но приведена эта мысль в исполнение очень недавно. В настоящее время выписаны нужные машины, с большим трудом приисканы и приучены порядочные рабочие, и фабрика, с помощью конного и воловьего привода, стала вырабатывать очень прочные и мягкие солдатские сукна, показывая на деле всю добротность шерсти забайкальских баранов и верблюдов.

При этом не могу не высказать следующего: Забайкалье до такой степени богато сырыми продуктами и так бедно всякими мануфактурными изделиями, что, по моему мнению, фабричная деятельность, [с] помощью машин (рабочие руки здесь дороги по редкости населения), должна со временем получить здесь большое развитие. Фабрики суконные, стеклянные, кожевенные, канатные, винокуренные и др. найдут здесь превосходные и недорогие сырые материалы и хороший сбыт, как на месте, где все мануфактурные изделия страшно дороги, так и на Амуре [1]. В настоящее время делаются только первые опыты, и встречаются на первых порах большие затруднения, в особенности вследствие отсутствия сколько-нибудь знающих мастеровых, которых большею частью приходится выписывать из России. Но кроме того, тут много вредит и собственная техническая неопытность тех, кто устраивает фабрики. Это ведет к тому, что, видя неуспех и не вникая хорошо в причины его, люди с капиталами не решаются затрачивать их на неверные операции и с недоверием поглядывают на фабричную деятельность в Забайкалье.

Но, не уносясь в будущее, возвращаюсь к пограничным Караулам.

В стороне от дороги бродят такие же огромные стада, как и прежде, только скот становится заметно крупнее [2]. Во все стороны виднеются юрты "братских" (бурят) и тунгусов, нанимающихся в пастухи; лучше их трудно найти пастухов, так как уметь обращаться вообще со скотом, а в особенности с лошадьми доведено у них до совершенства.

Тунгусы пасут стада, а аргунские казаки живут себе, питаясь от своих громадных стад, в своих хорах с совершенно ненужною им роскошью, зеркалами, лампами и т.п., живут не бедно, лениво: целая жизнь проходит в ленивом безделье. Меня поражало, когда я жил в Старо-Цурухайтуе, то, что я целый день вижу хозяина дома. И дома-то он пальцем об палец не ударит, а между тем многого ему недостает. У богатого хозяина, имеющего несколько сот голов скота, не найдется запасного, лишнего ремня, нет лишнего седла, а между тем сколько шкур должно оставаться только от ежегодно падающей скотины. В других местах, при такой обстановке,

давно занялись бы выделкою кож для продажи; здесь и для себя-то выделывают лишь необходимо нужное количество ее.

Только тогда стряхнет казак свою лень, когда придет время накладывать тавро на жеребят в табунах. Тут настает действительный праздник: все отправляются в юрту пастуха; для праздника и бурятка принарядится в плисовый "озям" (халат), причем навешенные на голове "моржаны" (род кораллов, нанизанных на нитке) нещадно бьют ее по лицу. Более бойкие из казаков садятся на коней, берут "укрюк" -- длинный шест с арканом на конце -- и начинают "укрючить" коней из табуна. Выбрав свою жертву, "укрючник" во весь мах несется за ней, врезываясь в середину табуна; табунный конь, завидя укрюк, несется что есть мочи, но седок не отстает, следит за малейшим движением коня, ловко маневрируя своим, наконец, улучит минуту и накидывает укрюк. Конь не сдастся, мечется во все стороны, но укрючник крепко сидит в седле, иногда даже, для большей крепости, садится за седло и так носится с конем, пока не обгонит его и не станет лицом к лицу, затягивая аркан. Тогда подсакивают пешие, хватают коня за гриву за хвост, удерживают его, пока снимется аркан и пока схвативший за хвост ловким движением сразу не повалит коня. Тогда все стоящие поблизости буряты наваливаются на свою жертву и накладывают клеймо или же надевают узду, обседывают, и когда седок забрался раз в седло, тогда конь может уже сбивать сколько хочет, -- седок засел крепко; учащенными ударами нагайки он укрощает коня и ездит до тех пор, пока не доведет его до совершенного изнеможения. Тогда конь, после целого дня такой езды, поступает уже в число выездных лошадей. В этом празднике и женщины принимают живое участие. И от них слышатся меткие замечания о достоинстве коней, и они с таким же напряженным вниманием, как и казаки, следят за укрючением. Впрочем, участие их в мужских конных забавах выражается не одними словами: между женщинами не редкость найти лихих ездовых, даже наездниц, которые не хуже любого наездника на скаку поднимают с земли какую-нибудь вещицу и т.п. [3]

Затем еще раз приходится приниматься за работу: мужчинам -- на сенокосе, женщинам -- в огороде [4]. Но сена вообще косят мало, так как табун круглый год ходит на подножном корму, а потому эта работа -- и не трудная, и не продолжительная.

Прибавив к этому другие мелкие работы по хозяйству, вы получите всё, что делает приаргунский казак-хозяин. Ест он так, как и во сне не приснится любому русскому крестьянину: мясо составляет для него необходимость, и баранина, которую он ест, так жирна, что привела бы, я думаю, в ужас почтенного Льюиса... Поел -- и на бок. -- "Оттого казак и гладок (полон), что поел и на бок", -- гласит местная поговорка. А уж после обеда нельзя не соблюсти "христианского обычая -- семь часов отдыхать".

Так живет богатый казак-собственник. Конечно, бедный (а эти две грани довольно резко отделены) должен работать, наниматься куда-нибудь, косить на других и т.п., и богатый всячески готов теснить его, -- в отводе ли сенокосов, в отбывании ли повинностей ни в чем не упустит своего, взваливает на него всякую работу, а сам только поглядывает, да отдыхает.

Понятно, что при таком безделье чувственность развита непомерно. Приезжего всегда поражает то, что казак на 35-40 году совершенно седеет, но оно немудрено,

тем более, что и дети не отстают от родителей, которые, впрочем, сами, своими шутками, бывают причиною их раннего развития.

Роскошь в нарядах женщин развита, говорят, до крайности: кринолин составляет уже необходимую принадлежность туалета всякой, даже небогатой женщины. Будничные наряды просты; большею частию они бывают из дешевых ситцев, простые из дабы, которая за недорогую цену приобретается от пограничных монголов; зато праздничные делаются из дорогих ситцев, шерстяных и дорогих шелковых материй. В обыкновенное время вы не увидите на казаках и их женах тканей домашнего изделия; ткань вовсе неизвестно в этих местах, да и к чему? Когда стоит только выменять кобылу -- вот и чай, и одежда.

Но так живя, с тоски умрешь: необходимо развлечение. Первое развлечение составляют осенью травля лисиц и вообще всякая охота, весною -- бега. На бега являются много охотников и, кроме самих бегающих, живое участие в беге принимают и зрители, которые ставят на пари по несколько голов скота из табуна и иногда, таким образом, проигрывается очень много. Третье развлечение составляют "вечорки" всяких калибров: с чаем, иногда с чаем и сахаром, с водкой и с угощением для девиц, со спиртом, с винами и с угощением и т.п. Впрочем, они знакомы уже вам по описанию их на Амуре, а так как амурская вечорка -- повторение забайкальской, то я и не стану писать об этом.

Когда женщина отстрепала (а это занимает немало времени), то, за прочими мелкими работами, много остается ей свободного времени. Что же делать, как не болтать? И отсюда происходит непомерное любопытство казаков и казачек. Вы приехали на станок. Сейчас начинается угощение, от которого напрасно и отказываться, вас заставят есть или по крайней мере пить чай. Между тем идет расспрашивание: куда вы едете, зачем, потом "чьих вы" (вашу фамилию) и откуда вы родом. Мало того: жив ли ваш отец, ваша мать, сколько у вас братьев, моложе они или старше вас, где живут, чем занимаются, женаты ли, есть ли дети, сколько!.. И всё это с видом теплого участия (в каждой станице, заметьте). А потом всё это рассказывается по всему Караулу, приедут гости из другого Караула -- им расскажут, сами поедут -- и там расскажут. Действительно, о чем же и говорить, когда соберутся гости? Поговорят обо всем -- и у кого какая кобыла ожеребилась, и каков жеребенок и сколько приплоду у такого-то богача, у другого и третьего. А всё времени много остается... Тогда расскажут о новом проезде, -- всем же любопытно знать...

Вообще во многом поразительно здесь сходство русского человека с соседом-монголом. Конечно, сходство -- всё же не тождество. Вот, например, пограничные караульные монголы -- те уж вовсе ничего не делают -- даже и косить не ходят. Правда, начальство заставляло их косить для зимы. Они наняли своих соседей-казаков. Казаки, бывало, накосят узенькую, в три размаха, длинную полосу; монголы умоляют уж: "довольно, довольно, когда мы всё это соберем?" и ухаживают за казаками, кормят напропалую, поят "ханшиной" (водкой), как будто они уж нивесть какой подвиг сделали, что накосили столько сена. А для них оно, пожалуй, и подвиг, так как с косами они теперь только знакомятся, большею же частию косят большим ножом вроде серпа, а бывает что и руками нарываю. Живут, впрочем, эти монголы очень бедно. Но они нетребовательны: была бы буда (просо), а чаю напиться можно у русских. А главное, был бы табак в "каптурге" (кисете),

"аргалу" же (бычьего или скотского помета) в степи везде довольно, следовательно, в юрте будет тепло и в дырявой шубе, которая служит ему и зиму, [и] лето.

1. Конечно, рядом с фабричными местностями найдутся и такие, которые будут почти исключительно заниматься хлебопашеством.

2. Кстати: у монголов скот гораздо крупнее нашего, может быть, оттого, что они не доят коров, и теленок один питается всем молоком своей матери. Так думают, по крайней мере, казаки.

3. Конечно, они ездят на обыкновенном мужском, бурятском седле.

4. Большие огороды составляют, впрочем, редкость.

Тема № 7.

Из Восточной Сибири. Хабаровка. 08.07.1864. «Современная летопись», 1864, № 34, стр. 6-8.

В этом письме я попрошу вас представить себе тех аргунских и ононских казаков, которых я старался очертить в предыдущем письме, вызванных по жребии или другим причинам из Забайкалья на этот Амур, который был тогда так страшен для всех. Рассказы об ужасных голодовках, трудностях плавания, лишениях и т.п. дошли уже тогда до Забайкалья и, само собою, в преувеличенном виде. Теперь казаки, прежде не видевшие другой реки, кроме своих мелких в вершинах Онона и Аргуни, очутились на паромах на широком, бурливом Амуре. Кое-как доплыли они, впрочем, и вот они высажены на такое место, где, на основании приблизительной тридцативерстной дистанции, указано быть, например, станице Поярковой. От берега идет мелкий орешник, далее лес-черноберезник, дубняк, -- правда, очень редкий. Дальше в лес боялись даже ходить на первых порах. Всплакнули казачки. Казакам пришлось тотчас же взяться за топор, за лопату, за соху, -- за работу, одним словом. Крепя сердце и проклиная Амур, принялись они поднимать земли и, наконец, сеять озимую рожь, о которой прежде знали только понаслышке [1]. И разом, круто пришлось сделать изменение во всем образе жизни... В первые годы и скот (которого было взято ими небольшое количество) не держался. Бараны, бараны! Они так и падали ... довелось проститься со щами из жирной баранины, в которой, "бывало, уж выбираешь кусок синего мяса, и то еще найдешь ли, нет ли, -- гольный жир", -- с грустью говорил мне один казак на Амуре.

И вдруг, вместо прежнего безделья, целый год "работай, паши, а всё никак не можем справиться, против забайкальского". -- "И никогда не справимся: там и не сеяли, да был хлеб, знай себе только с крюком поезживай".

Но человек ко всему приновляется, и вот в каком виде представляются станицы 2-го конного полка теперь, через семь лет после переселения [2]. Прежде всего вас поражает форменность станицы: дома поставлены в линию вдоль берега на определенных интервалах, иногда задами "к Онону", "к Аргуни", как и теперь еще казаки по старой привычке зовут Амур. Дворы огорожены довольно хорошо, в некоторых дворах видится крошечный амбар. Да большего и не нужно: хлеб складывается на пашне же в небольшие скирды, и хозяева, по мере надобности, ездят туда молотить, привозя домой молоченый хлеб небольшими частями. Во дворе погреб, -- но в очень жалком виде: во время высокой воды все погреба бывают залиты водою, которая иногда остается там и на зиму. У некоторых хозяев, побогаче, виднеется небольшая, простейшего устройства, одноконная мельница; в

одной станции я видел даже и ветряную мельницу (которых в Забайкалье почти не строят), сделанную тремя казаками сообща, -- тоже вещь довольно редкая, так как компании у них не употребительны и, при странном понимании прав компаньонов, довольно невыгодны. Дома, большею частью, остались в том же виде, в котором семь лет тому назад построены солдатами линейных батальонов, -- этими неумолимыми строителями, которые построили столько станций (по 15-20 домов) и целый город (Благовещенск) с его дворцами. Вид домов невзрачен, особенно вследствие особого устройства крыш, покрытых большею частью берестой или мелкими, не скрепленными досками. Дома вообще строены наскоро, иногда людьми, прежде в руках не бравшими топора, и потому построены нехорошо. В доме видно, что всё есть необходимое для безбедного житья, но на полах не красуются уже коврики из звериных шкур, по сундукам не разложены тюменские ковры, как бывало в Забайкалье. Пища хороша, мясо у богатого казака всегда есть; хлеба -- озимой и яровой ржи, пшеницы и превосходнейшей гречихи необыкновенной белизны -- вдоволь. Одежда не совсем хороша; забайкальской же роскоши только следы проглядывают; там дабы, канфы дешево выменивались от монголов на скот, тут и скота очень мало, и цены на него выше [3]. Зато прекрасно родится лен и конопля. Но сеяние их и выделка своих полотен еще не вошли в обычай, и женщинам здесь не приходится, как в Западной Сибири или в большей части великороссийских губерний, подниматься в 3-м часу утра и прясть, и ткать, пока не рассветет и не придет время приниматься за другие работы.

Вообще казаку предстоит работы немало: все работы по обработке земли, а кроме того междудворная гоньба и другие повинности: например, летом плывет чиновник⁴], в лодке, так как оно спокойнее, чем ехать верхом. Сплыть недолго, но затем надо завозить лодку обратно, а это, особенно, если вода большая, -- громадная работа, которая требует не менее 1Г или 2 дней. Конечно, большей частью приходится это делать для едущих без прогонов, так как лица, платящие прогоны, стараются ездить на пароходах, а так разъезжают местные военные начальники, доктор, священник, которые на разъезды не получают прогонов. Разъездов же им предстоит немало, вследствие растянутости и величины приходов, сотен и пр.

Но не одна гоньба вредит хозяйству: вот, например, в то время, когда я ехал от Благовещенска до Поярковой (середина июня), то почти всё мужское население станций уже 18-й день как оставило дома; оно ходило верст за 150 по рекам Зее и Завитой рубить и плавить лес для сотенных школ. А как важны для хозяйства 20 дней такого времени, когда нужно сеять гречиху и поднимать залоги! Но этим не всё кончилось, -- только что вернулись, как большая часть казаков должны были идти в лагерные сборы, в сотенный штаб, учиться фронтовой службе и стрельбе в цель. И это опять в то же нужное время! Собрались они 17-го июня. К счастью, через неделю могли распустить их. На другой же день все разъехались на пашни. А в это время давно уже надо было сено косить, так как рожь уже отцвела, и скоро должна была поспевать.

Если бы не эти и подобные занятия, отвлекающие от работ, то дело в таких местах, как долина Амура в окрестностях Благовещенска, пошло бы очень хорошо и у казаков, переселенных из 2-й конной бригады. Но сколько труда стоило казакам привыкнуть к новой трудовой обстановке! В особенности сперва трудно им было потому, что скот, непривычный к здешним кормам, страдавший от отсутствия

солонцов, падал в большом количестве. А между тем тогда приходилось, как и теперь, отбывать убийственную междудворную гоньбу и также почтовую, которая была еще труднее теперешнего, так как пароходное сообщение было плохо. Особенно трудно было справиться тем, у кого семья малая и имелась одна какая-нибудь лошаденка да бык. А рядом с богатыми хозяевами довольно найдется и таких. Правда, казна старалась всячески помогать подобным беднякам, снабжая их скотом, но так как при малом количестве скота труда падает на него больше, то он вообще худо держался. Мы видим проездом только богатых хозяев, живущих хорошо, мы почти не замечаем бедных семей, к тому же имеющих часто мало рабочих рук; тем постоянно приходится бороться с нуждой. Богатые нуждаются только в деньгах: оттого с таким нетерпением бегут казачки на пришедший пароход продавать молоко, яйца и т.п. Деньги нужны на соль, на одежду, на последнюю в особенности, так как за неимением даб пришлось обращаться к американским ситцам, привозимым иногда купцами в станицы, а эти ситцы большею частью оказывались сомнительной доброты. На них пришлось издерживать очень много, -- а между тем денег добыть неоткуда: хорошо еще, если станица лежит на таком месте, куда часто заходит пароход; тогда можно продавать съестные припасы и дрова на частные пароходы (за дрова, которые ставятся для казенных пароходов, платится около 1 р. 20 к. за сажень [5], но за них сперва выдаются квитанции, по которым деньги получаются впоследствии и очень туго, так что на поставку дров для казны казаки смотрят как на повинность, которую раскладывают между собою). Но много есть станиц, лежащих в протоках или к которым пароходы редко заходят, тем решительно уже неоткуда достать денег -- и приходится продавать быка или лошадь, а за этим следует уменьшение запашки, увеличение работы для оставшейся скотины и постепенное разорение. Между тем нужна одежда, соль, чай, без которого казак жить не может [6]. А кирпич стоит 1 р. 30 к. ... Хлеб? Но если богатые хозяева могут уже продавать его, то бедные до настоящего времени получают только нужное для себя количество хлеба с самым незначительным разве излишком, продажа которого не доставляет возможности приобрести нужное для семьи количество денег.

Недостаток в людях зажиточных, имеющих деньги, до такой степени осязателен, что нет даже торгующих казаков, которые непременно завелись бы ввиду больших барышей, если бы были деньги, так как торговля для казаков была делом сродным еще в Забайкалье. Если в большой станице и найдется кто-нибудь, который потаргивает, торговлишка его чересчур уже микроскопична; купцы же с капиталами что-то не ездят по станицам для продажи чая и товаров, нужных для одежды. Между тем их ждут не дождутся: чай, который в Айгуне стоит 90 к., в 120 верстах от города продается на 40 к. дороже; так же и дабы и всякая другая мелочь, -- и то еще не везде достанешь.

Впрочем, теперь казаки перестали уж унывать; в свободное время молодежь каждое воскресенье устраивает вечорки. Придет страда, тогда примутся работать, усиленно работать, -- но и тут без вечорок не обходится. Богатые хозяева, чтоб убрать свой хлеб, собирают "помочь" -- "весь ли караул (станицу) или там сколько нужно; людно -- так людно, мало -- так соседей и знакомых только зовем, и все вот приезжают на пашню. Тут жнут -- все ли, так все, а то, сколько успеют. А вечером к хозяину, значит, собираются; тут у нас вечер устраивают, для мужчин спирт, для дам

-- водка, а для девиц -- чай, и до поздней ночи парни с девицами забавляются танцами".

Свободное время находится и для мальчиков: школа не остается без учеников. Зимой в сотенной школе учатся мальчиков 30, 40; летом их распускают, так как учитель отправляется на сенокос и на пашню. Вообще, грамотность гораздо более распространена между казаками из 2-й конной бригады, чем, например, в деревнях любой великороссийской губернии. Но книг нет порядочных, и потому это часто отбивает у детей всякую охоту учиться читать.

Рядом с казаками по рекам Зее и Завитой живут крестьяне. Поселения по Зее простираются теперь верст на 50 от устья; местами просто не нахвалятся. Говорят, на основании слухов, доходящих от орочан, что такие же удобные места тянутся верст на двести вверх до гор. Тут лежат задатки амурских запасных хлебных магазинов. Число переселенцев (за свой счет) постоянно увеличивается: с нынешнею весной прибыло несколько десятков селений малороссов; сзади их идут другие; кроме того, получено из России письмо, в котором извещают, что из Самарской губернии выходит около 400 семей; половина вышла уже в марте нынешнего года; другая половина должна выйти вслед за первую. Конечно, материальная обстановка крестьян (особенно молокан), которые большею частью вышли с деньгами), как людей, втянувшихся уже в работу, гораздо лучше материальной обстановки казаков [7]. Крестьяне продали в нынешнем году значительное количество хлеба в казну (до 10 000 пуд. вместе с казаками), а люди побогаче, которые, живя в окрестностях Благовещенска, имели средства устроить конную мельницу, еще понажились следующей операцией: они покупали у маньчжур пшеницу в зерне по 50 и 60 коп. пуд, мололи ее и потом продавали в казну по 1 р. 10 к.

Обеспечив себя от голода и других лишений, молоканы теперь уже принимаются за огородничество и садоводство. Первые попытки довольно удачны: так, у одного хозяина привитые недавно яблони и груши идут очень хорошо, и, быть может, Забайкалье, лишенное всяких фруктов, со временем будет получать их с Амура. Конечно, садоводство и огородничество развивались бы гораздо быстрее, если бы не крайний недостаток семян, прививков и пр., затруднительность их выписки, часто недобросовестность семенных магазинов в Петербурге и Москве. Вот прекрасное поприще для деятельности разных наших обществ.

Сам я не был у крестьян на Зее, но по всему видно, что обстановка их очень порядочная, гораздо лучше российской, что, впрочем, подтверждается и числом вновь приходящих переселенцев. На этих местах, как я писал вам, сгруппировалось и всё маньчжурское население по Амуру. Оно очень густо и внутри страны по правому берегу Амура. По левому берегу между нашими станицами, верст на 10 ниже Благовещенска, тянутся непрерывно цепью разбросанные между деревнями маньчжурские деревни. Это население представляет редкий пример иностранных подданных на русской земле. Теперь с ними поступают совершенно благоразумно: их не трогают, не делают переписи, чтобы не встревожить и не заставить внезапно переселиться на китайскую сторону, что весьма возможно и вероятно. Но пройдет еще несколько лет, они ознакомятся с русскими, и тогда сами не пожелают находиться в китайском подданстве и останутся на нашем берегу, увеличивая население трудолюбивым и очень честным, по словам казаков, народом.

Окруженный таким густым населением из превосходных земледельцев, поставленный рядом с Айгуном, который, в свою очередь, соединен хорошими дорогами со всеми окрестными деревушками и с городом Мergenом, тоже правительственным центром в земледельческом округе, -- Благовещенск, конечно, составляет одно из лучших мест на всем Амуре. Цены на хлеб, на скот не высоки, и к тому же рядом имеется такое торговое племя, как маньчжуры [8]. Ясно, что городок должен быстро развиваться. Число домов (в 1859 г. -- двадцать) теперь дошло до двух или трех сот. Правда, видное (но не главное по числу) место занимают дома казенные, по протяжению всего берега не найдется десяти частных домов; зато они заняли место внутри, за цепью казенных строений, и число их растет очень быстро. Одно поразило меня: совершенный застой торговли. Напрасно обходил я все лавки, отыскивая нужных товаров: лавки пусты или завалены ненужным хламом. А нужного-то и нет: сахар можно достать в одной лавке и то за баснословную цену⁹], сигар почти нет, и так во всем. Или грузы еще не пришли? Но вообще торговля сильно напоминает знакомую нам читинскую торговлю. Одним словом, по всему видно, что Благовещенск город не торговый, а вернее, проезжий. Впрочем, да не подумает читатель, чтоб это доказывало процветание гостиниц, нисколько: есть, правда, две или три с номерами, но без признаков мебели, и еще гостиница "Николаевск", снабжающая за дорогую цену обедами, когда повару вздумается готовить.

1. "То есть, вот сколько раз, бывало, прошу я своего Лександр Иваныча, хочь показал бы мне, какая она такая зимняя рожь, -- говорила мне одна казачка, -- а теперь вот коротко довелось узнать". В Забайкалье сеется почти исключительно яровая рожь, вследствие климатических условий страны.

2. Припомню читателю, что места, занимаемые 2-м конным полком, лучшие на всем Амуре.

3. В станицах кусок дабы в 10 арш. достается не дешевле 2 р., 2 р. 30 к., в Забайкалье -- 1 р., 1 р. 50 к.

4. Общее название всякого служащего военного или гражданского в Восточной Сибири.

5. Частные пароходы, если берут дрова в станицах, где заранее их не было заготовлено, то платят по 3 р.

6. Чай заменяет всякое питье, и казаки так привыкли к нему, что заболевают, если вынуждены постоянно пить воду. В случае крайности пьют уже отварную воду.

7. Некоторые, впрочем, привели с собою из Забайкалья довольно значительное количество скота, есть казаки, приводившие в прошлом году до 80 голов рогатого скота.

8. В нынешнем году маньчжурская пшеница значительно облегчила трудности избавиться от голодовки, грозившей низовьям Амура, после разбития барж. Этому особенно помогло то, что наши отношения к маньчжурским властям были очень дружелюбны, а то стоило амбаню (губернатору) в Айгуне сказать слово, и мы не могли бы купить у маньчжур ни одного фунта муки.

9. Американский сахар 16 руб. пуд. между тем как в Николаевске он стоит 9 руб. Стеариновые свечи 24 руб. пуд. Сальные -- 16-20 руб.

Тема № 8.

Из Восточной Сибири. Село Хабаровка. 17.07.1864. «Современная летопись». 1864. № 36. С. 3-5.

Расставшись с казаками 2-го конного полка, я должен был быстро нестись на пароходе вниз по Амуру, делая по 20-25 верст в час и заезжая в станицы только для того, чтобы грузить дрова. Как в панораме мелькали передо мною станицы. Проплыли мы живописный Хинган и неслись мимо постоянно переселяющихся станиц Амурского пешего батальона, из которых большая часть вот уже третье место меняют и все жалуются, что их топят, если не самые станицы, то непременно уж пашни; наконец, приходится-таки прибегнуть к тому, с чего можно было начать, -- откочевать к горам. Но и там, как говорят, едва ли найдутся удобные места: в горах лес, а на лугах топят. Для меня повторялось прошлогоднее обозрение; мало нового бросалось в глаза: та же живописная, немножко грязная даже в малые дожди Хабаровка с ее пнями; в ней та же фактория амурской компании, которая скоро, по-видимому, прекратит все свои неудачно ведущиеся дела: по крайней мере, присутствие только остатка товаров в благовещенском магазине заставляет так думать и верить слухам о скорой ликвидации. В это же время под боком у амурской компании, ведущей свои дела *en grand*, шесть купеческих домов, имеющих дела в Хабаровке, по-видимому, ведут свою торговлю скромно, соразмерно потребности и далеко не без успеха. За Хабаровкой те же неудачные поселения крестьян, те же бедствующие деревни, -- только заходя в те из них, где я прежде не был, я мог убедиться, что и в них так же плохо, как и в тех, о которых я писал в прошлом году. А тут еще исправники слишком усердно предлагают крестьянам, чтобы они брали на себя вывоз леса для Николаевска. Условия доставки бесспорно выгодны, но крестьяне, зная их из уст исправника, имеют об них очень смутное понятие [1].

В нынешнем году на разработанных клочках виден очень хороший хлеб, и если не пойдут дожди вроде прошлогодних, то сбор будет порядочный, впрочем, конечно, не достаточный для того, чтобы прожить без пособия от казны. Был я и в знаменитом Горюне (Горинь, Тамбовское селение), куда не попадал в прошлом году. По улице в дождь пройти нельзя -- болото. Одним словом, крестьяне вынуждены были у себя на улице шоссе насыпать и прорыть канаву для стока воды, обложив ее досками. Шоссе в деревне! А иначе пройти нельзя было из дома в дом. Невдалеке и пашни (обрабатываемые кайлом) и сенокосы, которые ежегодно топят, а нынешнюю зимой, говорят, приходилось кормить скотину сеном в продолжение 8-ми месяцев, сено же, как вам известно, надо было собирать в густых лесах. Хлеба все-таки нет, а уж и 3-й год прошел, и срок кончился, по который обещано было кормить крестьян казенным хлебом. Что же впереди? Одна надежда, проедет генерал-губернатор, авось позволит переселиться куда-нибудь. А между тем, если б эти крестьяне были поселены на хороших местах, сколько бы повалило их же соседей -- из Вятской и Пермской губерний? С какими подробностями земляки в своих письмах, прося не выписывать поклонов, просят написать, каково они живут и каковы места, и каковы заработки, -- и всё, всё, до мельчайших подробностей? -- "Да вы что им написали в ответ?" -- "Сам знаешь, жил ты у нас прошедший год, видел, слышал, каково оно житье, то и напишешь". А что я слышал и видел в прошедшем году, то буквально передано в моих прошлогодних письмах.

В настоящее время часть крестьян из всех деревень переселяются на гавань Ольгу, на Восточный Океан. Находятся добровольные переселенцы, даже не зная

места, в уверенности, что "хуже здешнего не будет". А там пройдет несколько времени, найдется более удобное место, из Ольги туда, пожалуй, переселят [2], -- труда не составляет. Но много ли найдут крестьяне в Ольге, отрезанные от всего остального мира, -- вот вопрос; где и на какие деньги будут доставать одежду? Конечно, не от продажи съестных припасов на военные суда, которые раз или два в год заходят в эти места.

Городок Софийск только потому город, что таковым ему приказано быть. Хабаровка, по наружности, скорее его похожа на город и всеми окрестными жителями так и зовется. Между гор, заросших густейшею лиственницей, возле болота, выдалось открытое местечко, -- тут и приютился Софийск. Пока в наружности его обличают город только пушки на берегу, очень старые и негодные казармы, телеграфное управление и церковь. Рядом с ныне существующей церковью, совершенно достаточною для населения города, стоит почерневший остов огромной, прежде начатой церкви, вдвое больше теперешней. Сруб был сделан почти весь, но ее не достроили, убедясь в бесполезности. Телеграфный зал построен в два этажа, с фасадом в 7 окон, с башнею -- всё как следует; одно плохо, -- телеграф плохо действует от частых повреждений. Дешети (и, к сожалению, это часто повторяется), посылаемые с парохода, идущего в Николаевск, доходят дня через два или три после его прихода. В настоящее время телеграф проведен от Николаевска до Софийска (290 верст) и от Софийска до залива де-Кастри (около 80 верст). Теперь он проводится между Софийском и Хабаровкой, и есть намерение в нынешнем году довести его до этого места, для чего работы производятся большими партиями одновременно в нескольких местах по линии; для перевозки команд, припасов и т.п. имеются три небольшие телеграфные парохода в 14 сил каждый, сидящие немногим более фута, которые могут заходить в любую протоку, подходить к самому берегу и т.п. Кроме того имеется четвертый пароход побольше, на котором ездит строитель амурского телеграфа г. Романов.

За Горюном местность начинает становиться еще гористее, волны в Амуре делаются круче и более, -- мы проезжаем большой хребет Сихотэ-Алинь, через который прорвался Амур. Тут он собирается в одно русло не более версты или полуторы и достигает иногда глубины 50 саж., а в более узких доходит до 70 саж. Хребет имеет характер чрезвычайно дикий, на вершинах его и лес почти пропадает, только мох и жалкая трава; на горах, в лощине лежит еще снег (30-го июня); небо хмурится, по вершинам гор ползают облака, нас обдает мелким петербургским осенним дождем. В такой дикой местности, посреди лиственничных болотистых лесов, на расчищенных полянках тоже поселены деревни; мы минуем их, только в трубу можно рассматривать мрачные окрестности.

Наконец, показался Николаевск, встречал нас дождем и совершенно морскою (в слабый даже ветер) качкой. Так как мы пробыли в этом городе всего лишь несколько дней, то предупреждаю вас, что мои заметки могут быть только самые беглые.

Город расположен на высоком берегу; издали уже он выказывает на береговой улице несколько красивых, обшитых тесом и окрашенных домов [3], церковь, далее дома попроще. Напротив, на правом берегу, крутые горы, заросшие густой лиственницей; впереди суда сибирской флотилии: "Америка", "Японец", "Маньчжур", "Сахалин", паровая лодка "Морж" -- одним словом, вся флотилия в

сборе, и кроме того, два или три купеческих судна, пришедшие в этом году [4]. Пониже города порт, в котором кипит работа паровых машин, работает литейная, механическое заведение, в гавани паровой машиной очищается грязь. Перед городом на отмели красуется Константиновская батарея [5], не знаю, насколько она прочна, слухи, впрочем, носят, что нельзя заподозрить ее в прочности. Город занял место, где раньше красовался густейший лес, -- так свидетельствуют теперь торчащие по улицам пни, которые часты и так перепутались корнями, что нужен некоторый навык, чтобы вечером отыскивать между ними дорогу. От пней избавилась пока только главная береговая улица, отчасти площадь перед штабом, да постепенно избавляются другие. На набережной улице за садиком виден дом губернатора (не такой дворец, как в Благовещенске), а в особенности красуются дома "американцев" [6] с мачтами, на которых по временам являются флаги гамбургский, Соединенных Штатов... Лавки далеко не пусты, хотя еще ждут привоза товаров,-- иностранных товаров можно найти в изобилии, и торговля, как нужными, так и ненужными предметами роскоши, по-видимому, идет быстро, товары скоро распродаются. Нельзя сказать, чтобы цены на них были низки, но если дают такие цены, отчего же не брать, а к тому же сравнительно с общею дороговизной съестных припасов, -- хлеба, мяса, молока, овощей и пр. -- они не составляют резкого контраста [7]. Торговля американцев, как видно, идет очень хорошо; все они настроили себе дома, убранные с разными затеями, и живут далеко не бедно. Главная торговля происходит, как говорят, винами и водками, частью, может быть, препарированными в Шанхае из рисового спирта. Покупателей на них очень много, особенно в низших классах, между которыми пьянство развито очень сильно: большое количество разбитых бутылок, валяющихся между пней, тоже кое о чем свидетельствует.

В Николаевске существует библиотека, довольно обширная и постепенно пополняющаяся, и собрание, хотя не очень большое, но очень уютное, удобное и хорошо убранное; а главное, оно служит не только для украшения города, как в большинстве городов, а и действительно местом сбора.

Город показался мне оживленным, не сонным, вероятно, вследствие присутствия всей эскадры. В порту тоже неумолкаемо идет работа, а это тоже придает много жизни. В порту имеется хорошее механическое заведение, небольшая линейная и т.п., но по неимению дока капитальные починки судов не могут быть сделаны в Николаевске, и суда принуждены ходить за этим в Шанхай или Нагасаки. Наконец, на случай пожара есть и паровая машина больших размеров, конечно, очень полезная на случай пожара в порту, но едва ли применимая в городе, где проезд по улицам между пней будет невозможен.

Вот и все, что я вынес из беглого осмотра Николаевска -- говорить об общественной жизни, конечно, невозможно, пробыв там немного времени. Через четыре дня мы снова быстро неслись назад. Пароход уносил нас вверх со скоростью около 13 верст в час, и скоро Николаевск с его дождями, туманами и холодом остался позади нас. Дождь и отчасти холод преследовали нас до Хабаровки; как говорили крестьяне в деревнях, в это время они были повсеместны, с тою только разницей, что нигде по сию сторону хребта не было этой насквозь прохватывающей сырости и нигде термометр не опускался до +40R около полудня, как это было в Николаевске и его окрестностях.

1. Отчего бы, благо есть типография в Николаевске, не распечатать условий доставки и не разослать их по деревням, не поручая этого дела исправнику?

2. Многие очень хвалят гавань Находку, на которую пока не довольно обращено внимания.

3. Обшитые тесом и окрашенные дома составляют необычайную редкость как в Чите, так и в Благовещенске.

4. Ожидают еще два судна, которые скоро должны прийти.

5. Прочие батареи строятся ниже.

6. Общее нарицательное имя, принятое для всех иностранных купцов.

7. Пуд мяса стоит в нашу бытность 8-10 руб. и то только в нынешнем году, благодаря исключительному случаю привоза; пуд муки ржаной 2 р. 10 к., овощи едятся большею частью привозные, презервованные. По этим ценам можно судить о ценах на все остальное.

Тема № 9.

Ст[аница] Михайло-Семеновская. 20.07.1864. «Современная летопись», 1864. № 42. С. 14-15.

Из Хабаровки мы отправились вверх по реке Уссури, принесшей, как вам известно, свои воды в Амур с юга и судоходной для пароходов, сидящих не более 3 фут, на протяжении около 400 верст.

Уссури течет почти по меридиану, закрытая с востока и запада горами и открытая к югу, она всех поражала сибирских пришельцев своею южною растительностью, своим теплым, не сибирским климатом, красотой своих лесов, плодородием почвы; оттого беспрестанно слышались отзывы о долине этой реки, как об сибирском Эльдорадо. Между тем, несмотря на это и на то, что часть переселенцев уже пятый год живет на Уссури, всех их казна принуждена кормить до настоящего времени. Не разрушая вопроса о причинах этого явления, так как плавание мое взад и вперед по Уссури совершалось слишком быстро и на берегу я был всего в восьми или девяти станицах, я все-таки постараюсь привести несколько заметок, которые, впрочем, разве только в общем собрании всех фактов могут послужить для разъяснения дела.

По Уссури расположен уссурийский пеший казачий батальон, составившийся частью из забайкальских казаков, частью из "вновь переселенных" (сынков, бузуев, гольтепаков тоже). Казаки были взяты большею частью из мест, где они уже привыкли пахать и сеять, а какие хлебопашцы "сынки", это вы знаете из моих предыдущих писем [1].

Заселение Уссури началось с 1858 года [2] и продолжалось до 1862 г. В настоящее время по Уссури размещены на 20-25-верстном расстоянии 23 станицы, общее население которых составляет около 5000 человек мужчин и женщин. Много трудностей пришлось на первых порах преодолеть казакам. Скот, непривычный к жестким травам, зараставшим по островам до высоты человеческого роста, днем, преследуемый "паутами" (оводами), ночью несметным количеством мошки и комаров, не успевавший наедаться, -- держался с трудом и падал почти повсеместно. Положение казаков, имевших под руками действительную, полную сил почву и не имевших другой рабочей силы, кроме силы собственных рук, было далеко не завидное: не имевшим скота на первых порах пришлось обрабатывать

землю кайлами, наниматься же самим в рабочие некуда, так как кроме казаков никого более нет [3], а китайцев и гольдов было в 1859 году насчитано на всей Уссури не более 800 человек, да и тем не нужно рабочих, так как главное их занятие рыбная ловля, хлебопашество же ограничивается посевом в огороде небольшого количества ячменя и буды. Тогда приняты были меры, чтобы снабдить казаков казенным скотом; дело бы поправилось, но выбор места для пашен был сделан неудачно: наступал конец лета 1861 г., и большую часть пашень потопило. На Амуре было такое же страшное наводнение, и доставка скота для Уссури была крайне затруднительна. Нельзя было пристать к лугу, где нашелся бы порядочный корм: все луга, как в прошлом году, были под водою, иногда не удавалось кормить скот по несколько дней, -- и теперь еще Амур полон рассказов про баржи, занесенные на мель, которая впоследствии оказалась островом, и теперь еще по островам виднеются остатки таких барж. Скот, следовательно, дошел в жалком виде, и падал в огромном количестве. Но все-таки в большей части станиц казаки стали поправляться понемногу. Они жили на такой благодатной почве, которая щедро вознаграждала за каждое брошенное в землю зерно; к тому же из казны выдавался паек, присылались семена, впрочем, всегда слишком поздно. Не хотелось казакам расставаться с разработанной на лугах землей, дававшей непомерные урожаи, и как говорят, хотя некоторые хозяева и принялись за расчистку перелесков, но зато многие другие согласились лучше подвергаться периодическим наводнениям через 6, 7 лет, в остальное время вознаграждая себя богатыми урожаями, чем распахивать новые места. Лень, все-таки свойственная этим казакам, как большей части забайкальского казачьего люда, да авось помогли. А казалось, как было не подумать, отчего-де маньчжуры здесь не селятся, видно, не без причины, или расспросить у гольдов, часто ли топят луга? В 1862 г. была осенью страшная засуха. В 1863 г. предвиделся богатейший урожай, но, как вы знаете, полились непрерывные трехнедельные дожди, все пашни на лугах затопило, на прочих (разработанных тоже на низких, не поросших лесом местах, очевидно болотного свойства) стояла невылазная грязь. Там, где не было ни наводнения, ни грязи, хлеб весь погнил от этих дождей. Снова потребовались хлеб и семена, которые в нынешнем году пришли на устье Уссури в мае, а в верховья в июне, частью даже в конце, и опять нельзя рассчитывать на хороший урожай.

Вот что мы видели, проезжая по Уссури в первой половине июля нынешнего года. Первая станица, в которой мы остановились, была ст. Казакевича (в 40 верстах от устья), лежащая там, где в Уссури впадает рукав Амура. Она выросла на крутых отрогах холмов, там, где несколько лет тому назад рос огромный лес из ореховых деревьев, дубов, осин, берез, кедров, пробкового дерева, ясени, кленов, красного дерева и т.п., перепутанных виноградником и рядом плюща. Теперь этот лес вырубается на постройки, но все-таки огромных запасов его по горам при Уссури надолго хватит даже и при нерасчетливой нашей порубке. Все эти деревья достигают огромных размеров, и кедровые доски в полах и потолках в 5 арш. шириною не редкость. Оттого некоторые дома отличаются особенною щеголеватостью в выборе леса для построек. Огороды, лепящиеся за домами, покрыты превосходною густейшею растительностью. Тут давно уже едят огурцы, в то время как в Николаевске все еще продовольствуются американскими презервами; капуста завивается в огромные вилки, картофель уже отцвел. Пашни расположены

где-то за деревней между перелесками, так что их не видно; одно можно сказать, что разработка лесов под пашни далеко не легка; зато раз разработанные пашни дают, как говорят, невероятные урожаи.

За Казакевичевой мы проезжаем заросший лесами хребет Хёхцыр и вступаем в низменные берега, изредка поросшие дубовыми перелесками и состоящие почти исключительно из наносов. Большая часть станиц, расположенных в этих местах, принуждена будет переменить место: все пашни и луга топят. Надо будет разрабатывать небольшие релки, которые шириною в версту тянутся иногда на несколько верст в длину.

Затем идет немного лучше, и начиная с 16 и 17-й станиц до 23-й места становятся все лучше и лучше. Последние станицы имеют задатки хороших хлебобородных поселений. Но везде характер местности таков: дубовые леса [4], довольно редкие, но заросшие большею частью мелкою дубовою и орешниковою "щеткой" (частым кустарником). Между лесами попадаются прогалины с таким же редким лесом, но без щетки; эти прогалины уже немного ниже мест, заросших щеткой, в них непременно должна скопляться грязь во время больших дождей. Конечно, лучшие места те, которые заросли щеткой, но из всех пашень одной из лучших станиц пока еще нет расчищенных из-под щетки; большею частью пахут между перелесками. Причина этого, конечно, та, что для того, чтобы расчистить перелески, нужно иметь 3, 4 пары быков, чего ни у одного из казаков нет. Далее, проезжая между пашень 21 и 22-й станиц, лучших в батальоне, мы видели, что хлеба раннего посева (большею частью ярица) вышли хорошо, но не превосходны, как можно было бы ожидать, судя по рассказам; а хлеба позднего посева (в июне) вышли из рук вон плохи, -- редки и с мелким колосом. Одна надежда остается на гречиху, которая в этом благодатном климате хорошо взошла, несмотря на поздний посев [5], и еще успеет созреть до осенних морозов.

Вообще, Уссурийский край несомненно богатый край, особенно по своим лесам; но обработка его для хлебных посевов не легко достается; нужны средства, много скота [6] (который, пока не привыкнет к здешним кормам, будет падать), а без него трудно будет пробиваться казакам, и если опять скоро случатся наводнения, то долго еще казаки не будут иметь своего хлеба. Большую поддержку, впрочем, находят они в огородах, которые дают великолепные продукты; картофель, капусту, кукурузу, бузу и т.п., и отчасти в рыбе, которой, однако же, добывается казаками весьма немного, потому что нужно иметь невода, что также требует денег, так как их посевы конопля просто ничтожны; в деньгах же чувствуется теперь положительный недостаток, негде добыть их [7]. Наконец, если бы они и были, то негде купить хотя самую плохую одежду. Купцы сюда не заходят, если же и зайдут, то завозят самые дрянные изделия и берут за них втридорога. В заключение не могу не упомянуть об одном утешительном факте, представленном некоторыми "сынками", они, особенно женатые и те, которые соединились в небольшие артели, принялись за разработку земли, некоторые из них имеют хорошие огороды и ими живут -- остальные же, одинокие, как хлебопашцы никуда не годятся.

Поднявшись по Уссури до 23-го станка [8], мы остановились здесь на несколько дней, бродя по лесам, сквозь которые иногда приходится чуть не топором прорубаться, -- до того завалены они гниющими деревьями и покрыты мелкою, густою зарослью. Тут, в глуши, приволье для тигров, которые до сих пор еще

нападают на домашний скот, но зато часто сами попадают на штыки наших казаков-охотников. Они бывают иногда громадных размеров. Так, один из тигров, убитых в нынешнем году (не из самых больших), был, в чучеле слабо набитом и не растянутом, длиною в 2 3/4 арш., не считая, конечно, хвоста. Так как на тигровые шкуры легко найти покупателей (платится за шкуру от 25 до 40 руб.), то их бьют охотно и гольды, и казаки.

1. Современная летопись. 1864. No 19.

2. Пишу это на основании расспросов.

3. Право поселения на Уссури принадлежит походным казакам; теперь обсуждается вопрос -- возможно ли допустить сюда посторонних переселенцев и на каких условиях.

4. Маньчжурский дуб далеко не похож на европейский, лист его имеет другую форму, а самый дуб бывает ниже и большею частью корявый.

5. 1 по 10 июля.

6. Не выдаю этого своего личного мнения за неоспоримую истину, так как мой обзор был слишком беглый.

7. В нынешнем году представится возможность заработать деньги доставкой леса из Николаевска.

8. Отсюда пароходы могут ходить по реке Сунгачани, донельзя извилистой, и по ней входят в бурное озеро Ханка, откуда по нашим постам производится сообщение с Восточным океаном.

Тема № 10.

Маршруты П.А. Кропоткина в 1864 году на сибирской карте.

Основой для темы служат карты сибирских путешествий П.А. Кропоткина и материалы публикаций, указанных в темах №№ 1-9.